

Геннадий Дорогов

Обезьянка

рассказы

Геннадий Дорогов

Обезьянка

«Издательские решения»

Дорогов Г.

Обезьянка / Г. Дорогов — «Издательские решения»,

В книге на суд читателя представлены восемь крупных рассказов. Любовные, житейские и криминальные истории откроют читателю сложный мир человеческих взаимоотношений.

Содержание

Обезьянка	6
Мелодия	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Обезьянка
рассказы
Геннадий Дорогов

© Геннадий Дорогов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обезьянка

У пневматического ружья, именуемого в народе «воздушкой», прицел был сбит самым нахальным образом. Свинцовые пульки летели с большим отклонением от того направления, которое указывала невидимая прямая линия, проходящая через мушку и прорезь в планке прицела. Первые десять пуль Борис отстрелял крайне плохо. Такого отвратительного результата он от себя никак не ожидал. Мысленно чертыхнувшись, он заказал ещё десять пуль и стал целиться, стараясь определить погрешность и компенсировать её. Но и вторая попытка окончилась неудачей – Борис смог набрать лишь восемьдесят очков. А для того, чтобы получить желанный приз – большую плюшевую обезьянку, надо было выбить сотню, то есть все десять пуль послать в «яблочко». Чувствуя нарастающие в душе злость и досаду, Борис решил ещё на одну попытку.

Поскольку стрельба была призовой, каждый выстрел стоил во много раз дороже обычного. Оно бы ничего, если стрелять из нормального ружья. Борис был хорошим стрелком, в юности занимался в стрелковой секции, поэтому, зайдя в тир и увидев призовую обезьянку, вполне обоснованно надеялся на то, что сможет порадовать свою шестилетнюю дочь хорошим подарком.

– Рискну ещё разок, – сказал он работнику тира, долговязому мужику с козлиной бородкой.

Тот отсчитал десять пуль и отошёл в сторонку, сложив руки на груди и глядя на стрелка с презрительной усмешкой. Довольно неприятный тип. Кроме них в помещении тира находились ещё двое: молоденький парнишка – помощник бородатого и посетительница – женщина лет двадцати пяти. Наблюдая за стрельбой Бориса, она стояла, прислонившись к стене, и лениво жевала резинку. Её внешность вряд ли можно было назвать привлекательной: худощавая, немного угловатая фигура, узкие бедра в брюках, грубоватые черты лица, короткая стрижка и полное отсутствие украшений и косметики – всё это делало её похожей на мужчину. И лишь небольшие грудки, обтянутые чёрной трикотажной майкой, убеждали в обратном.

Третья попытка окончилась почти успешно – две пульки всё же ушли за пределы центрального круга.

– Ещё раз попробуешь? – с ухмылкой спросил бородач.

– Нет, – сказал Борис, – я не миллионер. Слишком дорогое удовольствие.

– А ты как хотел, дружок? Это же призовая стрельба.

– С твоей воздушкой только призы зарабатывать. Из рогатки легче попасть, – проворчал Борис.

Настроение было испорчено. Мужик опять нагло ухмыльнулся:

– Плохому стрелку, как плохому танцору, всегда что-нибудь мешает.

– Я попробую, – вдруг сказала женщина. У неё был низкий голос с хрипотцой.

– Похвально, сударыня! – бородач расплылся в снисходительной улыбке.

Он распаковал свежую коробку и высыпал на барьер небольшую кучку маленьких свинцовых пуль. Две или три из них прокатились по поверхности и упали на пол. Отсчитав очередному стрелку положенные десять штук, мужик опять отошёл в сторону.

– Желаю удачи! – сказал он насмешливо.

Парнишка-подручный в очередной раз сменил мишень. Женщина долго прицеливалась. Наконец раздался щелчок. Пулька угодила в край «десятки», едва задев линию окружности. Для первого выстрела из столь отвратительного ружья это было почти невероятным. Каким же снайпером надо быть, чтобы так откорректировать выстрел лишь на основании наблюдений за стрельбой другого человека! Или же попадание было просто случайным. Но остальные

девять пуль вошли точно в центр мишени, почти одна в одну. Ухмылка сползла с лица бородатого.

– Ещё раз попробуете? – спросил он, глядя в сторону.

– Зачем? – удивилась женщина. – Разве я не заслужила приз?

– Разумеется, нет. Посмотрите: одна пуля зацепила окружность. Значит, сто очков вы не выбили.

Работник тира прекрасно понимал, что говорит глупость, но отдавать приз он не хотел. Женщина пристально посмотрела на него.

– Слушай, приятель, – сказала она спокойным, но твёрдым голосом, – мне надоело видеть твою наглую рожу. Давай сюда обезьянку, и я уйду.

– А если не дам? – теперь он с вызовом смотрел ей в глаза. – Тогда что?

– Потеряешь больше.

– Ты что, пугать меня вздумала? – бородач наклонился к ней, облокотившись на барьер. – А ну пошла отсюда! На обезьяну ты и в зеркале можешь полюбоваться.

Дальнейшие события развивались в жанре боевика. Женщина подняла с пола одну из оброненных пуль, быстро зарядила ружьё и уперла ствол в правый глаз бородатого.

– Совсем сдурела! – взревел тот и попытался выхватить у неё ружьё, но она, ловко увернувшись, ударила его прикладом по рукам. В следующее мгновение ствол опять упёрся в глаз.

– Стой тихо. Дёрнешься – выстрелю, – сказала женщина с прежним спокойствием. – А теперь выбирай: либо приз, либо глаз.

Борис вдруг почувствовал, что это не блеф. Она действительно способна выстрелить. Бородач это тоже понял. Он поднял руки в примирительном жесте.

– Ну, хорошо, хорошо! Только как я его принесу?..

– Он принесёт, – женщина кивнула в сторону парнишки. – А ты пока будешь у меня заложником.

Парнишка мигом сбегал за обезьянкой. Женщина взяла свой трофей и направилась к выходу.

– Чёртова кукла! – выпалил ей в спину бородач.

Она спокойно обернулась, выплюнула жвачку и вышла из тира. Борис вышел вслед за ней. Хотя дочка осталась без подарка, настроение у него заметно улучшилось. Молодец деваха, поставили хама на место! Он вдруг почувствовал симпатию к этой незнакомой девушке. Красавицей её, конечно, не назовёшь, но что-то непонятное, необъяснимое привлекало в ней. Вероятно, это и есть то, что называют харизмой. Вдруг женщина остановилась.

– Эй! – окликнула она Бориса. – Зачем тебе нужна эта обезьянка?

Он подошёл к ней и сказал:

– Хотел дочке подарить. Собираюсь навестить её в ближайшие выходные.

– А где твоя дочь?

– Она живёт с матерью в другом городе. Мы с женой в разводе.

– Держи, – сказала женщина и буквально втолкнула обезьянку в руки Борису.

Он растерялся:

– Но это же твой приз.

– У меня нет дочки.

– Мне как-то неловко...

– Чушь! – она повернулась и пошла.

– Постой! – окликнул её Борис. – Может быть, мы как-нибудь встретимся? Как насчёт завтрашнего вечера?

– Зачем?

– Ну... сходим в кино или ещё куда-нибудь. Посидим в кафе.

Она равнодушно пожала плечами:

– Хорошо. Завтра вечером я свободна.

* * *

Хотя главной причиной, по которой Борис предложил девушке встретиться, было желание отблагодарить за подарок, всё же нельзя сказать, что он не испытывал к ней чисто мужского интереса. Перед свиданием он тщательно выбрился, отутюжил свои светлые брюки и облачился в новую ослепительно белую рубашку. Он пытался вообразить, в каком наряде предстанет перед ним его новая знакомая, как она будет выглядеть. Ведь не секрет, что одежда и косметика могут творить с женщиной чудеса.

Каково же было его удивление, когда Эмма (так звали женщину) явилась на встречу в чёрных джинсах и шёлковой блузке того же цвета. На лице – ни пятнышка краски, даже губы не накрашены. Спасибо, что удосужилась нацепить серьги – хоть какой-то знак внимания.

Видя растерянность кавалера, Эмма едва заметно усмехнулась:

– Кажется, ты ждал другую женщину?

– Нет, ну что ты! – сказал Борис поспешно. – Я вижу, ты очень любишь чёрный цвет.

– Да. Для меня он как символ.

– Символ чего?

Она не ответила. С полчаса они бродили по городу, представляя собой довольно контрастную чёрно-белую пару. Борис не мог избавиться от чувства неловкости. Он не знал, как себя вести и о чём говорить с этой странной женщиной. Она же держалась абсолютно спокойно и даже равнодушно.

Когда проходили мимо кафе, Борис предложил:

– Может быть, зайдём?

– Давай заглянем вон туда. – Эмма кивнула в сторону расположенного через дорогу ресторана. – Очень симпатичное местечко. Мне там нравится.

Борис замешкался. Он давно не посещал подобные заведения, поэтому не был уверен, что его денег хватит на то, чтобы провести там время с женщиной. Но Эмма уже направлялась к намеченной цели. Ему оставалось только последовать за ней.

Они прошли через зал и заняли уютную кабинку в углу. Борис раскрыл меню, чтобы оценить свои возможности, но дама, изъяв меню из его рук, сказала:

– Позволь мне выбрать.

Она заказала на обоих несколько дорогих блюд и бутылку французского вина. Дело принимало серьёзный оборот. Надо было как-то выходить из положения, пусть даже с позором. Он начал неуверенно:

– Эмма, я боюсь, что...

– У меня есть деньги, – спокойно сказала она.

– Хорош я буду после этого! – грустно усмехнулся Борис.

Эмма внимательно посмотрела на него.

– Если боишься уронить в моих глазах своё мужское достоинство, то выбрось эту чушь из головы. Всё нормально.

Официантка принесла заказ. Когда она удалилась, Борис спросил:

– Ты считаешь, что это нормально?

– Да, я считаю, что это нормально, – ответила Эмма. – Знаешь, Боря, мне не нравится эта дурацкая тема. Терпеть не могу моралистов. У нас на столе чудесное вино и отличная закуска. Что же тебя не устраивает? Смотри на жизнь проще.

– Как тот козлобородый в тире?

– Это другая крайность, – женщина взглянула на расстроенное лицо кавалера и заговорила неожиданно мягко, почти ласково. – Боренька, давай не будем портить вечер. Ты хотел

доставить мне удовольствие – тебе это удалось: мне приятно твоё общество, – она вдруг откинулась на спинку стула и спросила с шутиливой строгостью: – Ты всё же наполнишь бокалы, или мне самой это сделать?

Борис улыбнулся и поднял руки, признавая своё поражение. В самом деле, чего он упёрся в своё самолюбие? Эта чёртова щепетильность, сколько раз она портила ему настроение и создавала различные проблемы. Борис тряхнул головой, словно отбрасывая все ненужные мысли, и наполнил бокалы. Вино действительно было чудесным. Оно словно растопило остатки льда. Вечер удался на славу. Эмма заказала ещё одну бутылку такого же вина, а под конец – роскошный десерт.

Борис с возрастающим любопытством приглядывался к ней. Всё же странная женщина. Похоже, её совершенно не волновало, как на неё смотрят окружающие, и что они о ней думают. Она знала себе цену, и эта цена была довольно высокой. Взгляд её карих глаз, казалось, пронизывал собеседника насквозь, словно рентген, а по выражению лица невозможно было понять, о чём она думает. Порой Борис терялся, не зная, шутит она или говорит всерьёз. Несмотря на всё это, Эмма оказалась очень интересным собеседником, способным поддержать разговор на любую тему. Когда вопрос по каким-то причинам её не устраивал, она отвечала уклончиво или вовсе обходила его стороной. Так, например, когда Борис спросил её о роде занятий, она ответила:

– Я работаю на себя, – и тут же переменяла тему разговора.

Официантка принесла счёт. Борис взглянул на листок, и ему вновь стало не по себе: сумма приближалась к двум тысячам рублей. Эмма небрежно бросила на стол тысячную купюру и две пятисотки.

– Сдачи не надо.

Когда они вышли из ресторана, она спросила:

– Ты проводишь меня?

– Конечно! – весело сказал Борис. – Теперь я почти уверен: если нападут хулиганы, ты меня непременно защитишь.

– Не бросать же тебя в беде, – ответила Эмма без тени улыбки. Вот и пойми, шутит она или нет.

Он проводил её сначала до дверей подъезда, потом до дверей квартиры, после чего не смог, да и не захотел, отказаться от приглашения войти. Но, войдя в квартиру, Борис вдруг опять почувствовал странную неловкость. Беззаботное, приподнятое настроение куда-то испарилось. Он ожидал, что хозяйка предложит чай или что-нибудь в этом роде, тогда неловкость исчезнет сама собой, и дальнейшие события будут развиваться самым естественным образом. Но Эмма молчала, внимательно наблюдая за ним. Наконец он сказал:

– Пожалуй, я пойду. Поздно уже.

– Разве тебя кто-то ждёт? – спросила она.

– Нет.

Эмма подошла к нему и положила руки на плечи, пристально глядя в глаза:

– Может быть, тебя опять что-то не устраивает?

Всё также, не отводя взгляда, она стала медленно прижиматься к нему. Бориса охватило сильное волнение. Он понял, что нестерпимо хочет эту женщину. Какая-то мощная энергия исходила от неё, придавая желанию небывалую остроту. Он крепко обнял её, прижал к себе, и она часто и горячо задышала ему в ухо, извиваясь всем телом. Они стали торопливо срывать друг с друга одежду. Борису ещё подумалось, что со стороны это, вероятно, напоминает сцену из какого-нибудь американского фильма.

...Несмотря на достаточный опыт близких отношений с женщинами, таких ночей у Бориса ещё не было. Уже много раз в изнеможении он переворачивался на спину, едва не засыпая от усталости. Но после короткой передышки Эмма вновь горячо прижималась

к нему, и всё повторялось заново. Хотя Борис был ещё далеко не стар, всё же ему давно перевалило за тридцать, и такой юношеской прыти он от себя не ожидал. Что-то не так было с этой женщиной! Она то яростно набрасывалась на него, словно хищница на свою жертву, то вдруг становилась тихой и покорной. Порой она казалась ему загадочным существом из неведомого мира, одновременно внушающим суеверный страх и нестерпимо влекущим к себе. Во мраке ночи её глаза сверкали каким-то неестественным блеском. Ведьма, настоящая ведьма!..

За окном уже светало, но Борис никак не мог заснуть, хотя чувствовал себя очень уставшим. Он лежал на спине, глядя в потолок, и думал о своём новом приключении, о женщине, лежащей рядом с ним на кровати. Борис повернулся к ней и осторожно обнял одной рукой.

– Эмма! – позвал он.

– Что?

– Признайся: иногда по ночам ты летаешь на метле?

– Нет, не летаю, – ответила она. – Метла – не мой профиль.

– Чем же пользуешься ты?

– Косою.

– Что? – не понял Борис. – Какою косою?

– Шутка. Спи, – ответила Эмма сонным голосом.

* * *

Навестить дочь в ближайшие выходные Борису не удалось. Знакомство с женщиной, запланированное на один вечер, переросло в роман, в котором страсть и тайна сплелись в один плотный клубок. Он по-прежнему мало что знал о своей новой подруге. Они много времени проводили вместе. Бродили по городу, посещая летние кафе, кинотеатры и другие заведения. Пару раз по настоянию Эммы посетили ресторан. Было видно, что финансовых затруднений она не испытывает. Но, разговаривая обо всём на свете, они, словно сговорившись, ряд тем обходили стороной. Ну и ладно, думал Борис, так даже интересней. Заканчивались встречи в холостяцкой квартире Бориса, где необузданная, неведомая прежде страсть заполняла всё существо, вытесняя все прочие чувства и мысли.

Иногда, оставаясь в одиночестве, Борис размышлял о том, как бы сложилась его семейная жизнь, если бы Рита, бывшая жена, имела хотя бы малую долю этой дикой страсти. Конечно, причиной развода явилось множество разногласий, но все они, пожалуй, могли быть успешно преодолены, если бы у них в интимном плане было всё в порядке. Рита и в молодости была ленивой в постели, а с годами и вовсе посадила мужа на голодный паёк. Для отказа всегда находились веские причины. Но и те редкие ночи, когда она уступала ему, не приносили желанного удовлетворения. Жена равнодушно принимала ласки, демонстрируя мужу темперамент резиновой куклы. Всякие попытки объясниться на эту тему раздражали Риту и неизбежно заканчивались её монологом о мужском эгоизме.

В конце концов Борис стал периодически заруливать налево. Об этом стало известно кому-то из «доброжелателей». Жену, естественно, проинформировали. Горько рыдая, она заявила, что не может жить вместе с человеком, которому бесконечно доверяла, и который так подло предал её. Борис пытался оправдаться. Он говорил, что искал на стороне то, чего почти был лишён в семейной жизни; что если kota морить голодом, то бесполезно запрещать ему лазить на стол – время от времени он оттуда что-нибудь да стащит. Как известно, ссорящимся людям свойственно чувствовать весомость только собственных аргументов. К обвинениям в неверности прибавилось множество крупных и мелких обид. Результат разборок не заставил себя долго ждать – семья распалась.

Борис страшно злился на жену. Он был готов к тому, чтобы навсегда вычеркнуть эту женщину из своей жизни. Но сделать это не позволяло одно серьезное обстоятельство: у них

была дочь. После развода он встречался в разное время с разными женщинами, но ни с одной из них не планировал строить серьёзные отношения, так как боялся окончательно потерять дочь. Дочка для него была на первом месте. И вот сейчас Борис испытывал неловкость оттого, что отложил встречу с ней ради своего нового увлечения.

А увлекся он всерьёз. И причиной тому были не только бурные ночи. От Эммы исходила какая-то притягательная сила. То, что совсем недавно в её манере держаться казалось странным или нелепым, теперь вдруг предстало в совершенно ином свете. Особенно Борису нравилась её способность сохранять полную невозмутимость в любой ситуации.

Неприятный инцидент произошёл в воскресенье вечером, когда Борис с Эммой возвращались из ресторана. Сосед по подъезду пьяница и дебошир Колька Башлык был не в духе. Он цеплялся к прохожим, стараясь затеять потасовку. Тут-то ему и подвернулся Борис. Чтобы вернее спровоцировать конфликт, Башлык сразу же предпринял атаку в адрес его спутницы.

– Ты где такую кралю откопал? На конкурсе красоты? Я теперь всю ночь бояться буду.

– Отвали! – сквозь зубы процедил Борис. Связываться с придурком не хотелось.

– Может, поделишься со мной? – не унимался Башлык. – У меня таких страшных баб ещё не было.

Он взглянул на Эмму в ожидании бурной реакции, но та с невозмутимым видом продолжала жевать резинку, спокойно наблюдая за сценой. Борис, сжав кулаки, ринулся на обидчика. Башлыку только этого и нужно было. Он приготовился к драке. Но не успели они сойтись, как женщина встала между ними.

– Не связывайся с ним, – сказала она Борису. – Побереги силы для меня.

Бориса трясло от злости.

– Ты хочешь, чтобы я позволил ему оскорблять нас? – запальчиво выкрикнул он.

Эмма настойчиво отгесняла его к крыльцу.

– Дураков у нас много, – сказала она. – Не драться же со всеми.

Они поднялись на крыльцо и подошли к двери.

– Это кто – я дурак? – орал им вслед Башлык. – Я с вами ещё разберусь, козлы! Я вам мозги повышибаю!

Борис опять ринулся к хаму, но Эмма задержала его.

– Бог ему судья, – сказала она негромко и, бросив острый взгляд на Башлыка, выплюнула в его сторону жвачку.

* * *

Утром Эмма разбудила Бориса.

– Мне пора, – сказала она. – На этой неделе я буду занята. Ты меня не ищи. Когда освобожусь, сама дам знать о себе.

Она повернулась и пошла к выходу. Хлопнула входная дверь. Борис сидел на кровати, удивлённо глядя ей вслед. Всё же странная женщина. Просто повернулась и ушла. И никаких эмоций. Даже «до свидания» не сказала. Словно они едва знакомы и ничего между ними не было. Может быть, он её чем-то обидел? Что-то было не так? Да нет же, они провели чудесную ночь, не менее жаркую, чем предыдущие. Чёрт их поймет, этих женщин. У каждой свои причуды.

Они не виделись несколько дней. Во вторник Борис не утерпел и позвонил Эмме, но трубку никто не взял. В среду вечером он навестил её жилище, но её дома не оказалось. В четверг терпение у Бориса лопнуло. Он созвонился с одной из своих прежних подруг и провёл ночь у неё. Но эта ночь не остудила его нетерпения. Эмма оказалась слишком сильным наркотиком, отказ от которого был неизбежно мучительным. Ну и ладно, думал Борис, переживём как-нибудь. На выходные он навестит дочь, а что дальше – жизнь покажет.

Эмма позвонила в пятницу вечером.

– Боря, какие у тебя планы на завтра? – спросила она.

– Хочу к дочурке наведаться, – он попытался произнести это безразличным тоном.

– У меня к тебе просьба: отложи поездку. Ты мне будешь очень нужен завтра.

– Что за необходимость? Тебя не было почти всю неделю.

– Боренька, я потом всё объясню. А пока обещай мне, что завтра вечером будешь дома.

Разве ты не соскучился по мне? – спросила она полупшепотом с той волнующей хрипотцой, от которой у Бориса всегда захватывало дух.

Эмма появилась у него на следующий день в шестом часу вечера. Открыв дверь, Борис не сразу узнал её. Перед ним стояла блондинка с длинными пышными волосами в красивом брючном костюме изумрудного цвета. Макияж и накладные ресницы завершали общую картину, создавая впечатление, что перед вами совершенно незнакомая – роскошная женщина. Борис впустил гостью в квартиру, с удивлением разглядывая её. Но не только внешний вид делал её трудно узнаваемой. Вопреки своему обыкновению Эмма щебетала словно птичка. Даже голос у неё стал какой-то высокий и звонкий.

– Собирайся, милый. У нас мало времени, – торопила она Бориса.

– Да объясни же, наконец, что случилось?

– Одна солидная фирма отмечает в ресторане юбилей. Скоро начнётся банкет. Нам надо спешить.

– Ты работаешь в этой фирме?

– Нет. Но там, кроме работников, будут приглашённые. У меня есть два входных билета.

– А нам обязательно надо быть там?

– Для меня это важно. И, пожалуйста, оставь вопросы на «потом». Мы можем опоздать. Когда Борис был готов, Эмма внимательно оглядела его.

– Пожалуйста, милый, не возражай, но я хочу немного преобразить твою внешность.

Она извлекла из своей дамской сумки тёмный парик и накладные усы.

– Эмма, что еще за глупости? – Борис упрямо замотал головой. – Не делай из меня шута.

– Шута из тебя никто не делает. Ты ведь ещё даже не знаешь, как будешь выглядеть, а уже шумишь. Давай сделаем маленькую пробу. Посмотришь на себя в зеркало, оценишь свой новый вид, а потом уже будем решать, как лучше.

Борис уступил. Закончив с этим делом, Эмма удовлетворенно посмотрела на него.

– Какой красавчик! Просто вылитый Михаил Боярский! Тебе определенно идут усы, подумай над этим.

Борис подошёл к зеркалу. Пожалуй, она права, выглядел он намного лучше.

– Ладно, – махнул он рукой. – Пусть опять будет по-твоему. Ты из меня верёвки вьёшь.

Народу в ресторане было много. Фирма представляла собой крупную сеть магазинов. Борис и Эмма легко растворились в этой большой шумной толпе. Банкет начался традиционно. Сначала прозвучали торжественные речи «за процветание», потом началось шумное застолье, перемежаемое танцами. Примерно через час-полтора веселье вступило в ту стадию, когда пиджаки и галстуки становятся помехой для своих владельцев. Юбиляры резвились на полную катушку, уже мало заботясь о внешней стороне приличий. Во время одного из танцев несколько пар постепенно объединились, образуя большой круг. Главу фирмы вытеснили в центр этого круга. Две хорошенькие девушки буквально висли на нём. В хоровод вливались всё новые пары. Кольцо стало сжиматься и вскоре превратилось в весёлую свалку.

Эмма с Борисом танцевали рядом. В какой-то момент она повернулась так, что Борис оказался спиной к этой куче народа. Левой рукой Эмма крепко обняла его за шею, прижалась к нему щекой. Её правая рука скользнула куда-то вниз. Потом что-то произошло. Кажется, был

хлопок. Конечно, никакого хлопка Борис не слышал – было слишком шумно, но он словно почувствовал его.

Вдруг Эмма зашептала ему на ухо:

– Здесь так душно! У меня кружится голова. Давай уйдем отсюда.

Не дожидаясь ответа, она повернулась и пошла к выходу. Борису не оставалось ничего другого, как пойти следом за ней. Когда вышли из ресторана, Эмма взяла его за руку и торопливо повлекла за собой в тёмный двор.

– Не отставай, милый, у нас мало времени.

– Да что произошло, чёрт возьми?

– Потом, Боренька, всё потом. А сейчас нам надо спешить.

Вслед за ней он вошёл в подъезд ближайшего дома. Эмма достала из дамской сумки полиэтиленовый пакет. В него она уложила свой парик, ресницы и изумрудного цвета пиджак. Та же участь постигла парик и накладные усы Бориса, которого все эти действия дамы стали всерьёз беспокоить. Они покинули подъезд и, пройдя через двор, вышли на противоположную улицу. Пакет с вещами Эмма выбросила в мусорный контейнер.

Вскоре им подвернулось такси. Эмма сказала водителю, куда ехать, и машина тронулась в путь. Когда подъехали к перекрестку, где-то рядом послышался вой сирены. Мимо них на большой скорости одна за другой промчались две милицейские машины и почти вслед за ними – неотложка. Пожилой таксист сокрушённо качнул головой и сердито проворчал:

– Опять кого-то грохнули. Ну и жизнь пошла, бляха-муха!

Остальной путь ехали молча. Борис сильно нервничал, чувствуя в душе неясную тревогу. Время от времени он поглядывал на свою спутницу, пытаясь что-нибудь понять по её лицу. Но Эмма с невозмутимым видом жевала свою чёртову резинку. За квартал от дома, где жил Борис, она попросила водителя остановить машину.

Когда такси отъехало, Борис шагнул к ней.

– Эмма!..

– Не провожай меня, – сказала она.

– Объясни, что произошло.

– Завтра всё узнаешь. Обязательно дождись меня. Никуда не ходи и не делай глупости.

Этой ночью Борис долго не мог уснуть. Только ближе к утру сон одолел его. Проспав почти до двенадцати часов дня, он поднялся с тяжелой головой. Настроение было отвратительным, делать ничего не хотелось. Чтобы как-то отвлечься от тревожных мыслей, Борис коротал время у телевизора, переключаясь с одного канала на другой.

Информация, прозвучавшая в местных новостях, заставила его вздрогнуть и замереть на месте. Девушка-диктор сообщила, что вчера вечером в ресторане был застрелен владелец крупной сети магазинов города. Она назвала ресторан, в котором вчера провели время Борис с Эммой. Смутные подозрения Бориса приобрели чёткие зловещие очертания.

Эмма пришла ближе к вечеру. Едва она вошла в комнату, Борис подошёл к ней вплотную.

– Я знаю, что вчера произошло, – сказал он угрюмо.

Эмма вынула из сумочки пачку пятидесятирублевых купюр и бросила её на журнальный столик.

– Это твоя доля, – сказала она. – Здесь пять тысяч рублей. Полагаю, вполне достаточная сумма, учитывая степень твоего участия.

– Какая доля?! – закричал Борис. – Я ни в чём не участвовал!!

– Ты прикрывал меня. И, пожалуйста, не ори так громко.

Он попятился от неё, отрицательно мотая головой:

– Я не возьму этих денег. На них – кровь. Забирай их и уходи отсюда.

– У тебя нет выбора, милый.

– Выбор всегда есть!

Рядом с пачкой денег на журнальный столик лёг пистолет с глушителем.

– Вот и весь твой выбор, – сказала Эмма. – Либо ты соучастник, либо нежеланный свидетель. Какой вариант тебе больше нравится?

Борис сел на диван, обхватив голову руками.

– Зачем ты меня втянула в это дело?

Она села рядом с ним, обняла его за шею и горячо зашептала в ухо:

– Чтобы привязать тебя к себе. Теперь ты навсегда мой. Нас разлучит только смерть – разве это не прекрасно?!

Борису стало казаться, что всё происходящее – всего лишь комедия чёрного юмора, которую он видит на экране. Он почувствовал, что теряет ощущение реальности.

– Но зачем я тебе понадобился? Ведь я совсем, совсем не такой, как ты!

– Вот поэтому я тебя и полюбила, – продолжала Эмма тем же жарким шёпотом. – Ты мягкий и пушистый.

Она всё плотнее прижималась к нему, извиваясь всем телом, словно дикая кошка. Вопреки своей воле Борис вдруг опять почувствовал, что его нестерпимо тянет к ней. Безумное желание заглушило, затмило разум, который пытался восстать против этой близости. А двусмысленность ситуации только усиливала остроту ощущений. Может быть, эта женщина и в самом деле ведьма? Но нет, она не ведьма. Ведьмы летают на метлах, а эта ходит с косой. И он теперь навсегда привязан к ней. «Нас разлучит только смерть».

Интересно, чью смерть она имела в виду?

* * *

Часы показывали половину десятого. Борис пробкой выскочил из постели. Он опоздал на работу! Теперь не оберёшься неприятностей. Он стал торопливо натягивать брюки, и тут его взгляд упал на журнальный столик: там лежала пачка купюр. Борис медленно сел на кровать, так и не надев брюки до конца. События двух последних дней всей своей тяжестью навалились на него. Минувшую ночь он провёл в постели с убийцей, и эта ночь была не менее жаркой, чем предыдущие. Почему он опять бросился в её объятия, зная, кто она? Что его толкнуло: страсть или страх? Борис раз за разом прокручивал в памяти все свои встречи с Эммой и вдруг отчётливо осознал, какую власть над ним взяла эта женщина.

Что теперь делать, он не знал. Он и представить себе не мог, что всё зайдёт так далеко. Бурно начавшийся роман имел слишком бурное продолжение. Чем же он закончится? Борис лихорадочно искал выход из создавшегося положения, перебирал различные варианты своих действий. Впервые он соприкоснулся с чуждым, жестоким миром; соприкоснулся в реальной жизни, а не на телевизионном экране или в газетной статье. И этот мир ставил его перед выбором: либо он соучастник преступления, либо свидетель, которого в любой момент могут прихлопнуть, как муху. Страх холодком шевельнулся в груди. Нет, так не годится. Какой же это выбор, если любой из этих двух вариантов неминуемо ведёт к гибели?..

Борис взглянул на часы. Почти час он просидел на кровати с надетыми чуть выше коленей брюками. Он уже решил, как поступит: пойдёт в милицию и всё расскажет. Ему очень не хотелось доносить на женщину, с которой был близок, но другого выхода Борис не видел. Что ему ещё оставалось: сидеть и ждать, когда его возлюбленная всадит в него пулю?

Дежурный по отделению о чём-то долго и яростно спорил через окошечко с немолодой женщиной. Когда, наконец, дошла очередь до Бориса, милиционер раздражённо спросил:

– Что у вас?

– Я бы хотел... Мне кое-что известно... – от волнения Борис никак не мог выразить свои мысли словами.

– Говорите яснее! Что вы хотите сообщить?

– Это связано с убийством. В субботу в ресторане был банкет...

Дежурный моментально переменялся в лице.

– Пожалуйста, подождите одну минутку, – сказал он неожиданно вежливым голосом и потянулся к телефону.

Бориса проводили в кабинет следователя. Хозяин кабинета, крепкий подтянутый мужчина лет сорока пяти, первым делом внимательно изучил паспорт посетителя. Вернув документ законному владельцу, он сказал:

– Меня зовут Андрей Аркадьевич Лесин. Итак, Борис Иванович, что вам известно об убийстве коммерсанта?

Борис рассказал обо всём, что произошло с ним в последнее время, начиная с того, как впервые увидел Эмму в тире, стараясь не касаться интимной стороны их отношений. Он выложил на стол перед следователем деньги, полученные в качестве платы за «соучастие». Лесин слушал, не перебивая. Когда Борис закончил, он сказал:

– Очень хорошо, Борис Иванович, что вы пришли к нам добровольно. Явка с повинной значительно облегчит вашу участь.

– О чём вы говорите?! – воскликнул Борис. – Я не преступник, а невольный участник событий.

– Ну, вольный или невольный, мы ещё разберёмся, – ответил Лесин. – Согласитесь, одной вашей версии для этого недостаточно. Пока же в полученной от вас информации не подлежат сомнению следующие моменты. Первый: вы были на месте преступления, причём явились туда вместе с убийцей. Второй: вы получили деньги за соучастие в преступлении.

– Но...

– Кроме того, у меня возникли подозрения, что вы рассказали далеко не всё.

Борис удивлённо взглянул на него.

– Я всё рассказал. Почему вы сомневаетесь в этом? Вас что-то смущает в моём рассказе?

Следователь ответил ему пристальным, холодным взглядом.

– Вот именно: смущает, – сказал он. – Женщина, о которой идёт речь, с некоторых пор нас очень интересует. Но, признаюсь, до сих пор у нас против неё не было ни одной серьёзной улики. Работает очень грамотно и осторожно, всё продумывает до мелочей. И вдруг такой профессионал привлекает к своей работе человека с совершенно иной психологией – тихого законопослушного гражданина. Ведь именно таким вы пытаетесь себя здесь представить?

– Но разве профессионалы не используют в своей работе дилетантов? – спросил Борис, пытаясь найти себе хоть какое-то оправдание.

– Используют, – согласился Лесин, – но не «светятся» перед ними. И у них не принято оставлять в живых опасных свидетелей. А ваша сообщница именно так и поступила. Это было крайне неразумным поступком с её стороны.

– Она мне не сообщница.

– Тогда почему вы до сих пор живы? – следователь повысил голос. – Почему она раскрылась перед вами?

– Чтобы привязать меня к себе, – ответил Борис. – Так она сама сказала.

– Вот оно что! – воскликнул Лесин. – Неужто влюбилась? А что, очень даже может быть. Вот вам наглядный пример, на какие глупости способна влюблённая женщина, даже такая, как Чёрная Эмка.

– Как вы сказали? Чёрная Эмка?

– Это её прозвище. Как оно вам нравится?

– Звучит зловеще.

– Очень точно звучит. Однако вернёмся к делу.

– Вы её арестуете?

Следователь понимающе улыбнулся.

– Не волнуйтесь, мы сделаем всё, что от нас требуется. Ваши показания облегчат нашу работу.

– А что будет со мной?

Лесин выдержал небольшую паузу и сказал мягко, почти дружески:

– Всё зависит от вас, Борис Иванович, от вашего желания помочь нам. Если мы с вами найдём общий язык, то, полагаю, вам ничего не грозит. Однако, как говорится, бережёного Бог бережёт. Я бы вам посоветовал какое-то время пожить в другом месте, на тот случай, если Чёрной Эмке стало известно о том, что вы побывали у нас. На работе возьмите отпуск, я посодействую в этом, если потребуется. И периодически созванивайтесь со мной вот по этому номеру, – следователь протянул Борису листок с номером телефона.

Борис взял листок и положил его в карман.

– Я могу идти? – спросил он.

– Одну минуту! Сейчас я вас отпущу, но должен предупредить, что всё, о чём мы здесь говорили, должно остаться в тайне. Распишитесь вот здесь о неразглашении.

Борис внимательно прочёл протянутый ему лист бумаги, поставил подпись.

– Теперь вы свободны, – сказал следователь. – Но я бы хотел вас ещё кое о чём предупредить. Если у вас произойдёт встреча с Чёрной Эмкой, не пытайтесь задержать её.

– Думаете, не справлюсь?

– Думаю, что нет. Она способна на любое действие, а вы, как я вижу, человек мягкий. Уж простите мне эти слова.

– Да, – сказал Борис, – вы совершенно правы. Я мягкий и пушистый.

Лесин с улыбкой взглянул на него.

– Пушистый? Я этого не говорил.

– Не говорили, – согласился Борис. – Это она так сказала.

Взять отпуск раньше назначенного срока оказалось делом несложным – Борис просто поменялся с одним из своих коллег. Потом он вернулся домой и стал обдумывать своё положение. Бежать из своего жилища, прятаться у кого-то – этого ему совершенно не хотелось. Может быть, в этом нет никакой необходимости? Вряд ли Эмма следила за ним. Как человек, не привыкший жить в условиях опасности, Борис подсознательно игнорировал возникшую угрозу. Он без остановки мерил шагами комнату, не зная на что решиться.

Из этого состояния растерянности его вывел истошный женский крик. Кричали в подъезде. Борис вышел на площадку и стал спускаться вниз. Соседка тетя Вера бежала вверх по ступенькам навстречу ему со скоростью, не соответствующей её солидному возрасту.

– Тетя Вера, что случилось? – спросил Борис.

– Там... – соседка показала пальцем вниз, тяжело дыша. – Господи, какой ужас!

Ничего вразумительного от неё невозможно было услышать. Борис спустился ниже. То, что он увидел, заставило его содрогнуться. На площадке между вторым и третьим этажами валялся Колька Башлык с простреленной головой. Одна из стен была забрызгана кровью вперемешку с мозгами. Борис бегом вернулся в квартиру. Всё его тело била мелкая дрожь. Он не сомневался в том, что Кольку застрелила Эмма. Но чем это было с её стороны: мстью за нанесённое оскорбление или предупреждением ему, Борису? В любом случае следователь был прав: надо срочно искать убежище. Борис достал свою записную книжку и стал обзванивать знакомых. Вскоре ему повезло: один из старых друзей Витька Сосновский пребывал в одиночестве, отправив жену с сыном к морю.

– Пару недель можешь без проблем пожить у меня, – сказал он.

Борис быстро собрался и вышел из квартиры. В подъезде работала опергруппа. Там, где недавно лежал труп Башлыка, белел очерченный мелом силуэт. Борис протиснулся сквозь

толпу любопытных и торопливо зашагал к автобусной остановке. По пути он купил две бутылки вина.

Виктор приветливо встретил друга, с которым давно не виделся. Они обосновались на кухне. Хозяин поставил на стол два фужера и приготовил кое-какую закуску. Когда они «пропустили по первой», Виктор спросил:

– Так что у тебя там стряслось, старик? Видать, серьёзные неприятности, раз приходится скрываться?

– Да уж серьёзней некуда, – ответил Борис. – Голова идёт кругом.

– Не переживай, Боря. Всё пройдет, перемелется. В нашей пресной жизни встряски иногда полезны, они не дают нам окончательно отяжелеть. Да и потом будет что вспомнить.

– Если будет кому вспоминать, – угрюмо сказал Борис.

– Ну ты, брат, совсем раскис. Давай пока не будем о грустном. У нас с тобой найдётся много других тем для разговоров, более весёлых. А о своих проблемах расскажешь потом.

Он опять наполнил фужеры. Под хорошее вино приятно было предаться воспоминаниям о студенческих годах. В памяти всплывали всё новые и новые эпизоды из той далёкой молодой жизни. Борис и Виктор учились в одной группе. Оба были веселы и беспечны, любили разные проделки, отчего порой попадали в серьёзные передраги. И порой им становилось совсем не до шуток. А теперь всё это вспоминалось как весёлые приключения.

«Наверное, Витька прав, – думал Борис. – Вот также и сегодняшние неприятности спустя годы будут казаться приключениями».

Послышался лёгкий стук в оконное стекло, словно в него попали мелким камешком. В следующее мгновение плафон под потолком разлетелся вдребезги, осыпав двух друзей мелкими осколками. В раковину посудной мойки упала расплюснутая о стену пуля. В оконном стекле зияла небольшая дыра, от которой в разные стороны разбежалась паутина мелких трещин. Гость и хозяин испуганно переглянулись. Несколько минут царило молчание.

Немного оправившись от потрясения, Виктор спросил:

– Боря, скажи честно, в какое дерьмо ты вляпался?

– Это долгая история, – ответил Борис. – Да и ни к чему она тебе.

– И всё же?

Борис вкратце рассказал обо всём, что с ним случилось. Выслушав товарища, Виктор долго молчал. Потом произнёс, глядя мимо Бориса:

– Ты извини меня, старик, но я должен сказать...

– Понимаю: мне надо уйти.

– Не обижайся, но сам знаешь: у меня семья.

– Витёк, не надо оправдываться. Я всё прекрасно понимаю. Вот сейчас допью вино и уйду.

– Чудак, я же не гоню тебя прямо сейчас. Ночь на дворе. Утром уйдешь.

– До утра ещё дожить надо.

Он простился с хозяином и вышел во двор, беспокойно озираясь вокруг. Шёл первый час ночи, автобусы ещё ходили. Борис глубоко вздохнул и направился к остановке, чувствуя, как холодеет кожа на затылке.

* * *

Он больше не предпринимал попыток найти себе безопасное убежище. Марина, его бывшая подруга, с которой он провел ночь в минувший четверг, сама позвонила ему, предлагая встретиться. Но Борис под благовидным предлогом отказался от встречи. Он понимал, какая над ним нависла угроза, и не хотел втягивать в эту трясину других людей. О поездке к дочурке теперь не могло быть и речи.

Ему ещё раз пришлось встретиться со следователем в связи с последними событиями. В ходе беседы Лесин высказал предположение, что Эмма и в самом деле испытывает к Борису сильное чувство и не намерена расправляться с ним. В противном случае он уже был бы мёртв.

– А если дело обстоит именно так, – говорил следователь, – то стоит попробовать сыграть на этом. Наши сотрудники будут вести круглосуточное наблюдение за вашим домом. Рано или поздно она объявится поблизости. Вы же держите меня в курсе всех событий, сообщайте обо всём подозрительном.

Так началась у Бориса скучная затворническая жизнь. Он редко выходил из дома, старался ни с кем не общаться. От невесёлых мыслей могли бы отвлечь домашние дела, которых накопилось немало, но буквально всё валилось из рук. Большую часть времени Борис проводил, уткнувшись взглядом в экран телевизора. В таком монотонном ритме прошла неделя.

Субботний выпуск новостей заставил его встряхнуться, выйти из анабиозного состояния. Сообщалось, что неизвестным снайпером был убит уважаемый в городе человек, депутат областного совета Вадим Спиридонович Банин. Диктор говорил о том, какую огромную роль играл господин Банин в жизни области, перечислял его многочисленные заслуги. Расследование этого преступления взял под свой личный контроль губернатор области.

Ближе к вечеру позвонил Сосновский:

– Старик, как у тебя обстоят дела? Жив ещё?

– Надеюсь, что да, – ответил Борис. – Вряд ли мой труп стал бы с тобой разговаривать.

– А как ты себя чувствуешь?

– Паршиво. Не знаю чем заняться. Так что, Витёк, если мне и грозит смерть, то, скорее всего, от скуки. Может быть, посоветуешь что-нибудь?

– Советовать ничего не могу, – сказал Виктор, – но мне известно, чем занимаются коты в подобных случаях.

– Спасибо на добром слове.

– Боря, ты знаешь, что сегодня произошло? – в голосе друга слышалось волнение.

– Знаю.

– Как думаешь: это она?

– Откуда мне известно?! Мало ли их нынче развелось.

– Ну, бывай, старик! Если что – звони.

– Ладно.

Положив трубку, Борис почувствовал, что от разговора остался неприятный осадок. Ему показалось, что Виктор испытывает удовольствие оттого, что причастен к опасности, причём эта опасность лично ему не грозила. Это было похоже на ситуацию, когда наблюдаешь на экране головокружительные трюки, выполняемые другим человеком, рискующим своей жизнью; чувствуешь, как увиденное щекочет нервы, и при этом знаешь, что самая большая опасность, которая грозит тебе – это упасть с дивана.

В двенадцатом часу ночи в дверь позвонили. Борис посмотрел в глазок, но на лестничной площадке было темно – опять кто-то свинтил лампочку.

– Кто там? – спросил он.

– Соседка снизу, – послышался женский голос. – Вы нас топите!

Борис распахнул дверь – тут же ему в лоб упёрся ствол пистолета. Заставив хозяина попятиться назад, Эмма вошла вслед за ним в прихожую и сразу заперла дверь. Ну вот и развязка, подумал он, заморожено глядя в лицо незваной гостье. Чёртовы сыщики – и это они называют круглосуточным наблюдением! В груди заныло. Но женщина убрала пистолет и устало прислонилась к стене, прикрыв веками глаза. Её лицо было бледным.

– Боря, мне нужна твоя помощь, – сказала она слабым голосом.

Борис только теперь увидел, что её левое плечо испачкано кровью. Они прошли в комнату. Он осторожно помог женщине снять одежду. Под жакетом на ней был бронежилет. Веро-

ятно, он спас ей жизнь: на теле у неё виднелись несколько пятен кровоподтёков. В левом плече застряла пуля.

– Я по медицинской части ничего не смыслю, – сказал Борис. – Говори, что надо делать.

Она стала перечислять, что необходимо приготовить. Выполняя её указания, он старался не смотреть ей в глаза, чувствуя себя виновником того, что с ней случилось. Эмма словно угадала его мысли.

– Не волнуйся, – сказала она, – ты тут ни при чём. Заказчик решил «зачистить концы». Слишком большую игру затеяли. Меня хотели убрать во время оплаты заказа, но я была готова к такому повороту событий.

Она больше ничего не сказала, но Борис подумал, что, вероятно, тот, кого послали «оплатить» выполненный заказ, к неожиданным поворотам событий был готов значительно меньше.

Когда всё необходимое было подготовлено, Эмма распорядилась:

– Протри пинцет спиртом и попробуй извлечь пулю.

Ничем подобным прежде Борису не приходилось заниматься. Руки у него тряслись. Пинцет раз за разом срывался, зацепляя живую плоть. Женщина молча терпела, стиснув зубы. Наконец он сказал, вытирая со лба пот:

– Ничего не выходит – слишком глубоко сидит. Нужен врач с инструментом, анестезия...

– Черт бы тебя побрал! – зашипела на него Эмма. – Кто из нас двоих мужчина? Давай сюда зеркало.

Держа перед ней зеркало, Борис с ужасом наблюдал, как Эмма с застывшим от напряжения лицом извлекает пулю из собственного плеча. Эта процедура напоминала эпизод из фильма, в котором терминатор производил ремонт своего кибернетического организма. Но он-то был машиной и не чувствовал боли.

Когда на плечо уже была наложена плотная повязка, Эмма сказала:

– Мне надо немного отдохнуть. А ты побудь рядом со мной. Мне бы следовало тебя связать, но я не буду этого делать. Ты ведь больше не станешь огорчать меня, верно?

Он утвердительно кивнул. Эмма пристроилась на диване и почти сразу уснула. Борис сидел рядом в кресле, с удивлением глядя на неё. Сколько же силы в этой хрупкой на вид женщине! На неё идёт охота. Стоит Борису снять трубку с телефонного аппарата – и ей конец. Но она спокойно спит, уверенная в том, что он не позвонит. И он этого не сделает. Прав был Лесин, абсолютно прав: ему с этой женщиной нипочём не справиться.

Сидя в кресле, Борис задремал. Когда он проснулся, Эммы в квартире уже не было.

* * *

– Огорчили вы меня, Борис Иванович, ох как огорчили! – Лесин в сопровождении двух сотрудников осматривал квартиру, обнаруживая следы пребывания здесь Чёрной Эмки: в мусорном ведре он нашёл пулю и испачканные кровью тампоны. – У вас ночью была гостья, а вы утаили от нас это событие. Будь вы благоразумнее, мы бы уже взяли её. А если учесть тот факт, что она ранена, то сделать это было бы значительно проще.

– В чем вы меня обвиняете?! – возмутился Борис. – Да стоило мне подойти к телефону, и я сам бы схлопотал пулю. А вот где были ваши круглосуточные наблюдатели?

– С этим вопросом мы ещё разберёмся. – Лесин сердито посмотрел на своих сотрудников. – Проморгали они её. Или проспали. На выходе, правда, засекли, но слишком поздно сообразили, что это она. Упустили, одним словом.

– Как же мне быть в подобных случаях? – спросил Борис.

– Да есть у меня одна мыслишка, – сказал следователь.

На следующий день молодой человек в штатском вручил Борису сотовый телефон.

– Так вам будет проще связаться с нами, – сказал он. – И еще Андрей Аркадьевич убедительно просит вас постоянно держать мобильник при себе. Это скорее даже не просьба, а необходимое требование.

Но поводов воспользоваться мобильником не возникало. Один за другим тянулись скучные монотонные дни. Отпуск приближался к концу. Однажды вечером, когда Борис возвращался из булочной, к нему подошёл незнакомый мужчина.

– Вы Борис Осетров? – спросил он.

– Да. Что вам угодно?

– С вами хочет встретиться один наш общий знакомый.

Кто этот «общий знакомый», можно было догадаться. Увиливать от встречи не имело смысла.

– Хорошо, – сказал Борис. – Но мне надо заскочить домой ненадолго. Подождите меня здесь.

– Нет, – твёрдо сказал незнакомец. – Мы с вами пойдем на встречу прямо сейчас.

Борис не стал спорить. Он уже ко многому привык за последнее время. Они молча прошли два квартала. В одном из дворов подошли к стоящей у обочины иномарке. Незнакомец распахнул правую дверцу, приглашая Бориса садиться. Борис покорно опустил на сиденье. За рулем иномарки сидела Эмма. На ней был рыжий парик и тёмные очки.

– Что случилось на этот раз? – спросил Борис. – Зачем я тебе опять понадобился?

– Ничего не случилось, – она ласково посмотрела на него. – Просто я соскучилась по тебе.

– Соскучилась! – усмехнулся он. – Ты в розыске. Тебя в любой момент могут схватить, уничтожить, а тебе повидаться захотелось. Не ценишь жизнь – ни свою, ни чужую.

– Зато ты ей назначил такую цену, что она тебе стала не по карману. И, ради Бога, не надо изображать беспокойство за мою жизнь – мне известно, по чьей милости я попала в розыск.

Они немного посидели молча. Эмма включила мотор.

– Мы куда-то едем? – спросил Борис.

– Да, – сказала она, – нам надо наведаться в одно местечко.

– Что это за местечко, и зачем нам надо туда ехать?

– Узнаешь, когда приедем. И не бойся: я тебя не съем.

Они проехали по городу и через некоторое время выбрались на междугородную трассу. На выезде из города молодой инспектор ГИБДД приказал им остановиться. Подойдя к машине, он откозырял, как положено, и попросил у дамы права. Борис похолодел от страха в ожидании бурных событий. Без сомнения, вся автоинспекция города ознакомлена с портретом Эммы, и сейчас её опознают. Что будет дальше, нетрудно вообразить, зная способности своей спутницы. Но ничего не произошло. Эмма с беззаботной улыбкой протянула инспектору права, пустила в его адрес безобидную остроту. Парень улыбнулся и тоже ответил шуткой. Они рассмеялись, и у них завязался весёлый разговор. Борис был поражен, видя рядом с собой остроумную звонкоголосую хохотушку, с губ которой не сходила улыбка. Даже ямочки появились на щеках. Инспектор вернул права и пожелал счастливого пути. Они уже отъехали на приличное расстояние, а он всё смотрел им вслед с добродушной улыбкой.

Когда через полчаса они свернули с трассы, Борису вновь стало не по себе: в этом городе жила Рита, его бывшая жена. И их общая дочь Леночка тоже жила здесь. Что ещё задумала эта ужасная женщина? Всё это время она была сильнее его. Борис, как послушный ребёнок, всегда, в конечном счёте, делал то, что ей было нужно. Но почему, почему он ни разу не смог устоять против неё? Да потому, что она сильная и твёрдая, а он человек мягкий. Мягкий и пушистый, как плюшевая обезьянка. Но только не тогда, когда дело касается его дочери! Если дочке угрожает пусть даже тень опасности, он пойдёт на всё. Он попытается остановить эту женщину, если даже попытка будет стоить ему жизни.

– Останови машину, – сказал он резко.
– Что случилось? – Эмма удивлённо посмотрела на него.
– Немедленно останови, чёрт бы тебя побрал! – закричал Борис, часто дыша.
Она свернула на обочину и заглушила мотор.
– Объясни, в чём дело?
– Куда мы едем? – спросил Борис. – Я хочу знать, куда мы едем.
– Я же тебе сказала: когда приедем, узнаешь.
– Ты слышала мой вопрос? Пока не ответишь, мы не сдвинемся с места.
Эмма внимательно смотрела на него, о чём-то напряжённо думая. И вдруг она всё поняла.
– У тебя здесь близкие? Я об этом не знала. А теперь послушай, что я скажу. Что бы ни случилось, в одном можешь быть абсолютно уверен: я с детьми не воюю. А сейчас мы едем в гостиницу.

Борис облегчённо вздохнул. Они подъехали к небольшому отелю, где Эмма сняла номер на двоих. Просторная комната была уютно обставлена.

– Тебе здесь нравится? – спросила Эмма.

Борис неопределённо пожал плечами и тоже задал вопрос:

– Зачем ты привезла меня сюда?

Она подошла к нему, положила руки на плечи.

– Я соскучилась по тебе. Правда, соскучилась.

Он молчал, ожидая, что она ещё скажет. Эмма вдруг горячо заговорила:

– Боря, мне тебя не хватает. Ты мне очень нужен. Прошу тебя: поедem со мной. Ты не пожалеешь об этом! Вспомни, как хорошо нам было вместе.

Борис ошарашено смотрел на неё:

– Эмма, очнись! Куда мы можем поехать? На тебя идёт облава. Ты катишься в пропасть и пытаешься утащить меня с собой.

Она улыбнулась, отрицательно качая головою:

– Всё не так страшно, Боренька. Я знаю, что нужно делать. Мы уедем за границу. У меня есть деньги, много денег – нам с тобой хватит. Я изменю внешность. У нас будут новые документы и тихая спокойная жизнь. Только дай своё согласие – и, клянусь, тебе не придётся жалеть об этом. Я буду тебе верной женой, нежной и ласковой. Поверь, я умею быть такой.

Эмма крепко обняла его за шею, прижалась к нему – и вдруг резко отстранилась.

– Что у тебя там? – спросила она, глядя на нагрудный карман рубашки. Не дожидаясь ответа, расстегнула пуговицу клапана и извлекла из кармана сотовый телефон.

– Ты купил мобильник?

– Ну... – он не знал, что сказать.

– Что – «ну»? Отвечай!

– В общем, это... подарок.

– Чей подарок?

– Я... не могу сказать.

Она всё поняла. Она всегда всё быстро понимала. Несколько секунд молча смотрела Борису в глаза, потом с размаху разбила мобильник о стену. Он шагнул к ней:

– Эмма, послушай... – но тут же остановился – ствол пистолета смотрел ему прямо в лоб.

– Ты предал меня! Ты опять меня предал! – воскликнула Эмма с горечью и отчаяньем. – Будь ты проклят!

Он беспомощно развёл руки в стороны:

– Эмма, я клянусь, что ни разу не позвонил по этому телефону.

Она усмехнулась, сокрушенно покачав головой:

– Ты что, совсем дурак? Им не нужен был твой звонок! Они теперь и так всё знают!

До Бориса дошло, что она имела в виду. И как он сам не подумал об этом? Телефон наверняка был оборудован передатчиком. Значит, всё последнее время Борис был «на прослушивании». О каждом его слове, шаге было известно посторонним людям. Усталость свинцовой тяжестью растеклась по всему телу. Будь что будет, а он уже достаточно нахлебался этого дерьма. Ему до чёртиков надоело быть щепкой, втянутой случайным вихрем в круговорот событий. Борис молча стоял в ожидании развязки. Эмма смотрела на него, видимо, решая, как поступить. Потом сказала:

– Я бы вышибла тебе мозги, если бы они у тебя были.

Она убрала пистолет, потом подошла к двери, открыла её. Уже на пороге обернулась и сказала:

– Знаешь, почему ты жив до сих пор? Ты мягкий и пушистый.

Она заперла дверь снаружи на ключ. Через минуту за окном послышался шум отъезжающего автомобиля. Борис сел на кровать и энергично потёр лицо ладонями, пытаясь взбодриться. Надо обдумать создавшееся положение. Итак, он заперт в гостиничном номере в чужом городе. Врезной замок двери можно было открыть только ключом, но ключа теперь не было. Но если даже он выберется из номера – что дальше? В кармане только мелочь, а на дворе уже ночь. Рита с дочкой живут в другом конце города, да и не стал бы он подвергать их опасности, чего бы Эмма ему не обещала. Борис почувствовал, что у него начинают слипаться глаза. Нервное напряжение давало знать о себе, сознание отказывалось работать. А, чёрт! Потом, потом он решит, что делать дальше, а пока надо просто отдохнуть. Борис лёг на кровать, не раздеваясь, и сразу уснул.

Давно ему не снились такие сны. Он стоял на залитой солнечным светом поляне в окружении необычайно красочного, сказочного мира. В воздухе летали огромные бабочки и причудливые птицы, каких он никогда прежде не видел. А на краю поляны стояла Она, улыбалась ему и звала за собой. Кто она, Борис не смог бы объяснить, да это и не имело значения: фея из далёкой сказки; ожившая детская мечта – светлая, чистая, прекрасная. Это была Она – и всё. И Борис пошёл за ней – по густой душистой траве, по ярким красочным цветам в сторону изумрудного леса. Душа переполнялась восторгом, той щемящей радостью, от которой хочется плакать. Они уже шли по лесу, а вокруг постепенно темнело. Листва на деревьях была уже не изумрудной, а грязно-болотного цвета. Небо затягивали тучи, поднимался ветер. Потом деревья расступились, и на открывшемся пространстве Борис увидел полуразвалившееся кирпичное здание, от которого веяло мраком, сыростью и страхом. Женщина шла прямо к этому зданию. Борис остановился, ему было страшно, но она обернулась у двери и вновь с ослепительной улыбкой стала звать его. Вслед за ней он вошёл в мрачное помещение и с тревогой огляделся. Стены были грязные и ободранные, углы затянуты паутиной, а под потолком висели летучие мыши. Борис хотел последовать дальше за своей спутницей, но вдруг обнаружил, что её нигде нет. Тогда он повернул обратно к выходу, но вместо двери перед ним была глухая стена. Он стал отчаянно метаться по коридорам, заглядывать в комнаты в надежде найти спасение. Вдруг одна из стен затрещала и стала валиться на него. Борис с ужасом смотрел, как на него неотвратимо надвигается гибель, но ничего не мог поделать – ноги словно приросли к полу. Стена наклонялась всё ниже и ниже и, наконец, с грохотом рухнула на него.

* * *

От сильного удара дверь в номер сорвалась с петель. Несколько человек в камуфляжной форме и чёрных шапочках-масках ворвались в комнату, держа автоматы наизготовку. Один из них рывком поднял Бориса с кровати и крепко припечатал к стене. Остальные тщательно осматривали каждый закуток номера.

– Где она? – тот, кто держал Бориса, рослый широкоплечий атлет, выкрикнул вопрос прямо в лицо.

Борис, ещё не пришедший в себя после сна, с ужасом смотрел в налитые злобой глаза – единственное, что было открыто на лице.

– Ты слышал вопрос?

Атлет схватил Бориса за волосы и ударил затылком о стену. Удар, казалось, вытряхнул остатки сна, вернул к реальности. Борис огляделся: ворвавшихся было четверо. Державший его крепыш был, вероятно, старшим группы – остальные, закончив осмотр, стали докладывать ему о результатах. Выслушав своих товарищей, он вновь повернулся к Борису, вопросительно глядя в глаза.

– Я не знаю, где она, – сказал Борис.

– Не хочешь по-хорошему? Попробуем по-плохому.

Старший группы резко ударил свою жертву рукояткой пистолета по ключице. От острой нестерпимой боли подкосились ноги, Борис опустился на пол. Тяжёлые ботинки спецназовцев застучали по рёбрам. Потом его опять рывком поставили на ноги.

– Теперь будешь говорить?

– Я не знаю! Клянусь, ничего не знаю! – в отчаянии простонал Борис.

– В машину его! – скомандовал старший.

На Бориса надели наручники и, выведя из гостиницы, затолкали в джип. Двое крепких ребят расположились с обеих сторон. Они выбрались на трассу, и машина на большой скорости помчалась обратно в сторону города, из которого Эмма увезла Бориса накануне вечером.

Когда въехали во двор и остановились возле невзрачного кирпичного здания, Бориса выволокли из джипа и через чёрный ход затащили в подвал. В мрачной полутёмной камере с ободранными стенами его подвесили за наручники на торчащий из потолка крюк. Двое парней стали методично обрабатывать свою жертву резиновыми дубинками – по спине, животу, ногам. Сколько времени продолжалась экзекуция, Борис не знал. Сознание затуманилось. Ему стало казаться, что боль уже не находится внутри – она выбралась наружу и теперь существует отдельно от него, живёт своей собственной жизнью.

В камеру вошёл мужчина в штатском костюме. Борис не мог разглядеть его лица – в глазах всё плыло, туманилось.

– Вы переусердствовали! – послышался сердитый голос. – Приведите его в порядок, дайте часок отдохнуть. Потом – ко мне в кабинет.

– Мне очень жаль, Борис Иванович, что вам пришлось пережить такое, – знакомое лицо следователя Лесина приняло скорбное выражение. – Признаюсь честно: возникли подозрения, что вы водите нас за нос. Вот и решили устроить вам жёсткую проверку.

Борис, у которого всё тело разламывалось от боли, горько усмехнулся:

– Гестаповские методы вы называете жёсткой проверкой?! Я думал, что на меня напала шайка садистов.

Лесин развёл руками:

– Не спорю, ребята немного перестарались. Но их тоже можно понять: они рискуют жизнью, нервы на пределе.

– А я не хочу их понимать! – голос Бориса сорвался на крик. – Они мне все внутренности отбили, а я теперь должен им сочувствовать?!

Лесин снял с лица скорбную маску и резко ударил кулаком по столу.

– Хватит ныть! – рявкнул он. – Не нравится, как обошлись с тобой? А я считаю, что тебе мало досталось. У меня есть все основания упечь тебя за решётку. Назвать их, или сам догадаешься? – осадив таким образом своего оппонента, следователь сделал небольшую паузу, после которой заговорил уже миролюбивым тоном. – Ну, пошумели – и хватит. Все мы люди

со своими слабостями. Давайте, Борис Иванович, отбросим эмоции и ещё раз обсудим наши общие проблемы.

Он внимательно взглянул на собеседника и, поняв, что тот готов слушать, продолжал:

– Я не знаю, да и не хочу знать, какая невидимая нить связывает вас и Чёрную Эмку. Пусть это будет вашим личным делом. Бог с вами. Но я прошу об одном: если она вам небезразлична, если вы не желаете ей зла – помогите нам. Не только мы охотимся за ней – в убийстве депутата замешаны очень серьёзные люди. Чёрная Эмка представляет для них опасность, поэтому они постараются уничтожить её. Вы сами имели возможность убедиться в этом. Будет лучше, если мы найдём её раньше: нам она, по крайней мере, нужна живая. Вы согласны нам помочь?

– Вряд ли я смогу чем-то помочь вам, – глухо отозвался Борис. – Она больше не верит мне. Оборваны все наши ниточки.

– Возможно, вы правы, – сказал Лесин задумчиво. – Но жизнь – штука сложная.

* * *

В мрачном подвальном помещении, куда Бориса пригласили для опознания трупа, было холодно и неуютно. Кроме него там находились ещё трое: хорошо знакомый Борису следователь Лесин, судебно-медицинский эксперт в белом халате и ещё один мужчина, представившийся сотрудником ФСБ. На узком металлическом столе лежало тело молодой женщины, буквально искромсанное пулями. Одна пуля попала в лицо, от чего уголок рта приподнялся немного вверх, придавая лицу выражение зловещей усмешки. Борис почувствовал, как к горлу подкатил тошнотворный комок, но продолжал стоять, не в силах отвести взгляд от этой жуткой картины. Он понимал, что теперь все его страдания и страхи позади, но почему-то не испытывал ни радости, ни облегчения.

Его окликнули: надо было расписаться в каких-то бумагах, подтверждающих установление личности погибшей. Борис сделал всё, что от него требовалось, и отошёл в сторонку. Лесин и его коллега из ФСБ о чём-то негромко переговаривались между собой. Потом они подошли к трупу. Разглядывая убитую женщину, Лесин зябко передёрнул плечами и сказал:

– Не знаю как тебе, Георгий, а мне она и мёртвая внушает страх.

Эфэсбэшник с брезгливой гримасой взглянул на погибшую.

– Допрыгалась, чёртова обезьяна! – сказал он со злостью.

Борис опять почувствовал, что его вот-вот стошнит. Лесин заметил его состояние.

– Борис Иванович, вы свободны, – сказал он. – Спасибо, что откликнулись на нашу просьбу. До свидания.

– Прощайте.

Борис поспешил выйти на свежий воздух.

Стоял ясный безоблачный день. Борис медленно бродил по улицам в надежде, что яркие солнечные лучи прогонят из души тень мрачного подвала. Придя домой, он налил себе стопку водки и выпил. Мерзкое тошнотворное чувство вновь зашевелилось внутри. Водка, что называется, не лезла в рот. «Надо было вина купить, – подумал Борис. – Пожалуй, сейчас схожу за ним». Но продолжал неподвижно сидеть на месте.

Телефонный звонок заставил его вздрогнуть. Несколько секунд он тупо смотрел на аппарат, потом снял трубку.

– Боря, это я – Рита, – послышался голос бывшей жены.

– Я слушаю тебя, Рита.

– Боря, что случилось? Куда ты пропал? Мы с дочкой стали беспокоиться за тебя.

– Я не мог приехать к вам. Было много разных причин.

– У тебя какие-то неприятности?

- Да, у меня были неприятности. Но теперь всё позади.
 - Значит, скоро мы увидим тебя?
 - Очень скоро.
 - Боря.
 - Да, я слушаю.
 - Я много думала о нас с тобой. Мне кажется, что я сама была во многом не права. Может быть, нам стоит поговорить спокойно обо всём?
 - Не знаю, Рита. Боюсь, что мы опять не услышим друг друга.
 - Но мы можем попробовать сделать это.
 - Давай попробуем.
 - Боря.
 - Да.
 - Леночка просит у меня трубку. Хочет поговорить с тобой.
 - Папа! Папа! – зазвучал в трубке дочкин голос. – Когда ты приедешь ко мне?
 - Скоро, дочка, очень скоро.
 - А почему не приезжал? Мама говорит, что ты болел. Это правда?
 - Да, я был немного болен. Но теперь я совершенно здоров и скоро буду обнимать тебя.
 - Папа! – дочь сделала паузу перед тем, как задать один из главных вопросов. – А подарок ты мне привезёшь?
 - Непременно привезу! Я подарю тебе большую плюшевую обезьянку. Тебе нравятся обезьянки?
 - Очень нравятся! – воскликнула дочь и вдруг спросила. – Папа, ты плачешь?
 - Ну что ты, дочка – вовсе нет! – ответил Борис.
- Он только сейчас почувствовал, что по его щекам бегут слёзы.

2003 г.

Мелодия

Виктор нервно поглядывал на часы. Ольга должна была появиться здесь двадцать минут назад, но её всё не было. А ведь сама предупредила, что сможет уделить ему лишь полчаса. Значит, теперь и этого времени у них не будет. Ну и подружку он себе нашёл. Вернее, ну и подружку ему нашли. Кореша-благодетели! Попробовали бы они сами что-нибудь сделать в таком цейтноте. День у Оли был расписан по минутам. Она училась в консерватории по классу скрипки, не представляла свою жизнь без музыки, отдавая ей основную часть своего времени. Эта постоянная занятость, как и беспредельная любовь к музыке, вызывала у Виктора досаду и раздражение.

Он тоже любил музыку – не ту, которой занималась Оля, а современную, забойную, от которой волосы на голове вставали дыбом. Но любил он её как потребитель, то есть в той степени, в какой она доставляла ему удовольствие, помогала расслабиться. А вкалывать ежедневно помногу часов подряд ради звуков – это не для него. Этим пусть занимаются другие, увлечённые и восторженные натуры – дураки, вбившие себе в голову чёрт знает что. Виктор не верил в восторженность, считая её самым фальшивым чувством.

Но об этом он не говорил и никогда не скажет Ольге. С нею он будет терпелив и внимателен, проявляя внешне уважение к её всепоглощающей страсти – скрипке. Ведь скрипка и была той причиной, по которой Виктор познакомился с Ольгой, сделал всё возможное и невозможное, чтобы понравиться ей и завоевать её доверие.

Оля пришла на свидание со своим неизменным чёрным футляром. Она торопливо подошла к своему кавалеру и, часто дыша, сказала извиняющимся голосом:

– Витенька, пожалуйста, не сердись! У меня просто не получилось раньше прийти.

Виктор глубоко вздохнул.

– Жаль.

– Витя, я действительно не могла прийти раньше. Просто не хватило времени.

– Это наша главная проблема, – сказал он полушутя-полусерьёзно.

– Но ты не сердись? Правда, не сердись?

Виктор улыбнулся.

– Нет, не сержусь. Разве я могу на тебя сердиться? Но всё равно жаль. Так хотелось побыть с тобой! А это тебе.

Он протянул девушке крупную розу, которую держал в руке. Оля взяла цветок, поднесла к лицу.

– Какой красивый! И как чудесно пахнет! Но мне пора бежать.

Она сделала шаг и вдруг остановилась.

– А знаешь что: пойдём со мной! Я упрошу Зинаиду Павловну, она разрешит тебе присутствовать на репетиции.

– А она ворчать не будет? Я очень боюсь ворчливых тёток.

Виктор зябко передёрнул плечами, показывая, какой страх на него нагоняют ворчливые тётки. Оля засмеялась.

– Надеюсь, что нет. Ну, разве что чуть-чуть, да и то в начале. А потом ты покоришь её своим обаянием, и она не будет возражать против твоего присутствия.

Виктор изобразил на лице шутливое смущение.

– Оленька, я сейчас покраснею. Уж какое там обаяние...

Оля перестала смеяться и уже вполне серьёзно сказала, глядя Виктору в глаза:

– Ты очень обаятельный мужчина, Витя. Ты невероятно обаятельный. Тебе ничего не стоит вскружить голову любой девчонке. Наверное, у тебя было много красивых женщин.

– Для тебя это имеет значение? – спросил он.

Оля отрицательно мотнула головой.

– Нет. Просто, не понимаю, что ты во мне нашёл.

«И хорошо, что не понимаешь, а то бы ты меня к себе на километр не подпустила», – подумал Виктор, а вслух сказал:

– Я нашёл в тебе то, что не нашёл в других. Что у нас со временем? – спросил он, желая перевести разговор на другую тему.

Как это ни странно, перед Ольгой он испытывал чувство неловкости. Никогда ничего подобного с ним не было. Оля была права: Виктор без особого труда мог вскружить голову любой женщине. Природа щедро наделила его красивой внешностью и такой невероятной способностью располагать к себе людей, что было бы просто глупо этой способностью не воспользоваться. И он пользовался, не засоряя свою голову размышлениями на тему морали. Виктор умудрялся одновременно встречаться с несколькими женщинами, периодически меняя их. Расставался он легко, не испытывая ни малейшей жалости к покинутой, какой бы ни была реакция с её стороны. А ведь среди них были настоящие красотки, не то, что этот воробышек со скрипкой.

Если бы не обстоятельства, Виктор ни за что бы не стал знакомиться с Ольгой, да он бы просто не обратил на неё внимание. Внешность у неё была самая что ни на есть обыкновенная – пройдёшь и не заметишь. Поначалу ему приходилось заставлять себя изображать симпатию к ней, радость при встречах. Но постепенно его отношение к девушке стало меняться. Она очень сильно привязалась к нему, и эта привязанность была такой по-детски наивной, чистой, светлой, что Виктор, возможно, впервые придал значение человеческим отношениям без корысти и расчёта. Они встречались около трёх недель. Оля очень дорожила этими встречами, нередко чувствуя себя виноватой. У неё никогда прежде не было парня – она сама призналась в этом. И вдруг такой красавец обратил на неё внимание! А у неё вечно нет времени...

Ольга быстро взглянула на часы и воскликнула:

– Боже мой! Я опаздываю! Витенька, бежим, если ты не передумал.

Виктор огляделся вокруг. Почти совсем рядом была стоянка такси.

– Не волнуйся, Оля, мы успеем, – сказал он. – На машине доедем.

– Но...

– Никаких «но»!

– ...это совсем не далеко.

– А на такси ещё ближе. Идём, а то и вправду опоздаем.

Они поспешили на стоянку и заняли одну из машин.

– Шеф, гони в темпе к консерватории. Мы очень спешим. – Виктор протянул водителю сотенную купюру.

Оля с благодарностью взглянула на своего кавалера и ласково прижалась к нему плечом.

* * *

Оркестр долго настраивался. Потом он начал играть, то и дело сбиваясь. Дирижёр сердился, грозно стучал палочкой по пюпитру и делал замечание то одному, то другому музыканту. Наконец оркестрантам удалось настроиться на рабочий лад, и со сцены в зал полилась музыка.

Сидя в зрительском кресле, Виктор с недоумением смотрел на сцену. Как людям может нравиться такая музыка? Десяток отвратительно пищащих деревяшек, разбавленных парой флейт и кое-чем ещё, нагоняли тоску и уныние. И это они называют классикой? Нет, друзья мои, классика – это «Дип Пёпл», «Пинк Флойд» и подобные им группы. А эту музыку Виктор решительно не понимал и не принимал. Только сумасшедшие могут наслаждаться этой мешаниной звуков. Он посмотрел на Ольгу. Она играла, полуприкрыв глаза. Неужели это занятие

доставляет ей удовольствие? Такая же идиотка, как и все остальные здесь. И он сам тоже изрядный кретин. Какие-то там чувства у него проснулись к этой дурочке, стало неловко её обманывать. Не надо ничего стыдиться. И жалеть никого не надо. Свою бы шкуру спасти.

После репетиции Оля подошла к нему, смущённо улыбаясь.

«Сейчас спросит, как мне всё это понравилось?» – с раздражением подумал Виктор.

Но Оля задала совсем другой вопрос:

– Ты устал?

– Честно говоря, да, – признался он. – Хочется тишины и покоя.

– Не сердись, что я привела тебя сюда?

Виктор засмеялся.

– Неужели я такой сердитый? Ты сегодня уже второй раз спрашиваешь, не сержусь ли я.

Нет, Оленька, всё в порядке. У тебя здесь ещё какие-то дела?

– Нет, теперь я свободна.

– Тогда идём.

Они вышли на улицу. Виктор взглянул на часы.

– Ещё совсем не поздно. Мы можем куда-нибудь сходить.

Оля опять улыбнулась.

– Туда, где тишина и покой?

– Или туда, где звучит другая музыка, – ответил он. – Позволь пригласить тебя в ресторан.

– Я не люблю рестораны, – сказала девушка. – Давай просто погуляем в парке.

Виктор не стал настаивать. Он не очень-то рассчитывал на то, что удастся напоить эту поклонницу смычка. Можно попытаться подъехать к ней с другой стороны. Они уже прогуливались по аллеям парка, когда Оля вновь спросила:

– Значит, не понравилась тебе наше исполнение?

Виктор хорошо подумал, прежде чем ответить.

– Дело не в исполнении, – сказал он. – Мне непонятна сама музыка. А что касается инструментов... Ты не обидишься, если я скажу то, что думаю.

– Я тоже не могу на тебя обижаться. Говори.

– Видишь ли, Оленька, я считаю себя меломаном. С удовольствием слушаю тяжёлый рок. Но не только. Есть очень удачные вещи в музыке самых разных направлений. И в этом, на мой взгляд, огромную роль играет инструмент. Сейчас электроника способна творить чудеса. Но ты почему-то увлекаешься скрипкой, уделяешь ей большую часть своего времени. Мне это непонятно. Послушал я сегодня ваши скрипки и не пришёл в восторг от их звучания. Как гвоздём по стеклу, – он повернулся к девушке. – Ты обещала не обижаться.

– Я и не обижаюсь, – ответила Ольга. – Всё объясняется очень просто. Тот инструмент, который ты сегодня слышал, взят из репетиционного фонда. Он довольно низкого качества и годится только для учебных занятий. Концертные скрипки звучат значительно лучше. А если ты хотя бы раз послушал, как звучит скрипка, изготовленная старым мастером, то твоё мнение об этом инструменте было бы совсем иным.

– Помилуй, Оленька! – воскликнул Виктор. – Где же я смогу услышать старинную скрипку? Небось, они все хранятся в сейфах за семью замками и доступны только избранным особам.

– Это не совсем так, – ответила девушка. – Отчасти ты прав: выступать со скрипками знаменитых мастеров могут позволить себе только самые известные музыканты. – Оля назвала несколько фамилий. – Постарайся попасть на концерт хотя бы одного из них и ты не пожалеешь об этом.

Виктор обнял девушку и легонько прижал её к себе.

– Не нужен мне никакой знаменитый музыкант. У меня есть свой любимый скрипач. И если мой любимый скрипач когда-нибудь сыграет мне на хорошей скрипке, я послушаю с огромным удовольствием.

Оля заглянула ему в глаза и спросила полупрошептом:

– Ты действительно хочешь, чтобы я сыграла тебе на настоящем инструменте?

У Виктора от волнения перехватило дыхание. Вот он, ответственный момент! Сейчас очень важно не переиграть.

– Очень хочу! – ответил он тоже полупрошептом. – А это возможно?

– Думаю, что да.

Итак, наживка проглочена. Виктору не терпелось спросить, когда он сможет послушать эту чёртову скрипку, но он боялся выдать своё нетерпение. Малейшая неосторожность могла всё испортить. Не выпуская девушку из своих объятий, он нежно поцеловал её и сказал:

– Я уверен, Оленька, что ты превратишь меня в настоящего ценителя скрипичной музыки.

Оля улыбнулась счастливо и взволнованно. Как замечательно, что она познакомилась с таким парнем – внимательным и тактичным.

– Я постараюсь, Витя. Только ты меня не торопи. Хорошо?

– Хорошо, милая. Куда нам спешить? У нас впереди целая вечность.

Виктор мысленно усмехнулся: никак он не может обойтись без пафоса и словесных выкрутасов. Какая у него, к чёрту, вечность? Того и гляди, нож в бочину воткнут. Не сегодня, так завтра. Комар на днях конкретно предупредил: мол, смотри, браток, будешь мне мозги парить, я с тобой церемониться не стану. А с Комаром шутки плохи.

Он проводил девушку до дома. Несколько минут они постояли у подъезда, потом расстались. Виктор пошёл домой. Едва он успел завернуть за угол дома, как почти нос к носу столкнулся с Лёхой Комаром. Вероятно, Комар наблюдал, как Виктор провожал Ольгу, и теперь дожидался его здесь.

– Ну что, Казанова, чем порадуешь? Дело делаем или просто с девушкой дружим?

– Всё нормально, Лёха! – торопливо заверил Виктор. – Уже есть конкретные сдвиги. Но тут, сам понимаешь, надо действовать осторожно. Поспешить – всё испортить.

Лёха небрежно сплюнул сквозь зубы.

– А ты не спеши, Витёк. Я тебя не тороплю. Действуй так, как считаешь нужным, – он холодно взглянул Виктору в глаза. – Но и волюнку тянуть не советую. Потеряем клиента – голову оторву.

Не прощаясь, он прошёл мимо Виктора, толкнув его плечом.

* * *

Накануне того злополучного дня они крепко выпили. На утро самочувствие у всех было отвратительное. Снова собрались вместе, чтобы поправить пошатнувшееся здоровье. Лёха Комар чувствовал себя хуже всех. Он жаловался на головную боль и тошноту. Когда разлили по полстакана водки и залпом опрокинули в себя, один Лёха долго не мог справиться с этой порцией. После выпитого жить стало легче, окружающий мир вновь приобрёл краски.

Вовка Дизель сладко потянулся и предложил:

– А что, братва, может, раскинем в картишки по маленькой? Что скажешь, Казанова?

Виктор покосился на Комара и сказал:

– Если только по мелочи...

– Так я и предлагаю по мелочи, – подхватил Дизель. – А ты, Серый, чего молчишь?

Серёга неопределённо пожал плечами.

– Да я, в принципе, не против.

Они вопросительно взглянули на Лёху. Тот отрицательно мотнул головой.

– Я пас, пацаны. Сегодня я не игрок.

– Да брось ты, Лёха! – не унимался Дизель. – Я же предлагаю не на интерес, а так – на маленький интересик. Чтобы время убить.

Они уже давно не делали больших ставок, если играли в своём кругу. Играть с Комаром по-крупному было опасно. Ни разу никому не удалось уличить его в жульничестве, но когда дело доходило до приличных сумм, Комар неизменно выигрывал. Однако сегодня он был явно не в спортивной форме.

– Ладно, против любительского матча возражать не буду, – сдался Лёха.

Они начали с мизерных, чисто символических ставок. Но постепенно азарт захватил игроков, они стали ставить на кон всё более крупные суммы. Один Лёха Комар не проявлял ни интереса, ни азарта, играя с кислой недовольной миной. Он безнадежно проигрывал. И вдруг Виктору стала идти раз за разом хорошая карта. Его партнёры по игре забеспокоились. Им не терпелось отыграться, и они постоянно увеличивали суммы ставок.

– Ну, погоди, Казанова! – пыхтел Дизель, потирая виски. – Всё равно я тебя обыграю.

А Виктор чувствовал себя на седьмом небе. У него словно крылья выросли за спиной – так легко сегодня всё получалось. Его выигрыш уже перевалил за тридцать тысяч, когда Дизель предложил пойти ва-банк. Виктор прикинул свои шансы и согласился – у него на руках опять была сильная карта. Но на этот раз удача отвернулась от него. Серый обыграл его, прибрав к своим рукам весь сегодняшний выигрыш. Виктор занервничал, ему захотелось отыграться, тем более что ему по-прежнему шла хорошая карта. Но всякий раз, когда победа казалась совсем близкой, у кого-то карта оказывалась чуточку сильнее. И всё чаще этим человеком оказывался Лёха Комар. Он уже не выглядел большим и беспомощным. Его глаза блестели холодно и жестоко. Когда Виктор понял, что надо остановиться, что его элементарно раскрутили как самого последнего лоха, было уже поздно: выигрыш составлял триста сорок тысяч рублей.

Глядя на свою жертву с презрительной усмешкой, Комар спросил:

– Ну что, Витёк, как будешь расплачиваться? Карточный долг надо отдавать – это святое правило.

Виктор молчал. Он даже представить себе не мог, где найдёт такую сумму денег. А Лёха продолжал давить на него.

– Даю тебе неделю на размышление, а потом включаю счётчик.

Виктор встрепенулся.

– Неделю? Где же я за неделю найду такие деньги? Дай хотя бы месяц.

Комар опять ехидно усмехнулся.

– А за месяц найдёшь?

Виктор неопределённо пожал плечами. Лёха продолжал буравить его своим взглядом.

– А может быть, ты надеешься сбежать? Не будь таким наивным.

– Да нет, Лёха. Но я пока действительно не знаю, где взять такие деньги.

– Это твоя проблема.

Они посидели молча пару минут. Поняв, что клиент созрел, Лёха вдруг добродушно улыбнулся и сказал:

– Не дрейфь, Витёк! Всё не так страшно. Деньги можно отработать.

Виктор взглянул на него с надеждой и тревогой.

– Как!

– Есть одно дельце. Возьмёшься?

– А что за дельце? Вдруг оно мне не по силам?

– По силам, Витя, по силам, – Комар расплылся в широкой улыбке. – Оно как раз по твоей части, Казанова.

И Лёха стал подробно излагать ему суть дела.

– В соседнем подъезде нашего дома, аккурат у меня за стеной, живёт интересная семейка. Интересна она тем, что их дочь увлекается музыкой – играет на скрипке. И этот факт не представлял бы никакого интереса, если бы не один нюанс. Ну, пищит себе скрипка за стеной и ничего, кроме раздражения, она вызвать не может. Однако временами стали слышаться такие звуки, от которых поневоле задумаешься. Нет, те музыкальные дрова, которые продаются в магазинах, так звучать не могут. Здесь что-то серьёзное, ценное. Я для пущей убедительности пригласил к себе сведущего человека, и он подтвердил мои подозрения: чувствуется работа старого мастера. Так вот, надо сделать так, чтобы скрипка оказалась у меня.

Виктор похолодел от страха.

– Да ты что, Лёха! За старинную скрипку могут так раскрутить, что мало не покажется. Даже фильм есть на эту тему; ты, небось, сам его видел. Как я тебе её раздобуду?

– Заткнись и слушай! – грубо оборвал его Комар. – Ещё не знаешь, что от тебя требуется, а уже слюни распустил.

– Что я должен делать? – спросил Виктор.

– Вот это уже другой разговор! – похвалил его Лёха. – Короче, так: твоя задача – познакомиться с этой дуручкой и расположить её к себе. То есть ты должен завоевать её доверие. По этой части ты у нас большой спец. Постарайся сделать так, чтобы девчонка показала тебе эту скрипку и назвала мастера, который её сделал. Понятно, что в наше время такие вещи в шкафах не хранятся. Скрипка наверняка лежит в сейфе, ключ от которого спрятан в укромном месте. И в связи с этим твою задачу можно разделить на три уровня. Первый: ты называешь мне фамилию мастера, и я прощаю тебе половину долга. Второй: ты сообщаем мне, где спрятан ключ от сейфа, и я прощаю тебе весь долг. Третий: ты сам приносишь мне эту скрипку и получаешь от меня кругленькую сумму.

Виктор молчал, обдумывая предложение. Наблюдая за ним, Комар выдержал паузу и вновь заговорил:

– Да не тушуйся ты, дурачок! Ты практически ничем не рискуешь. Тебе всё тот фильм покоя не даёт? Забудь о нём. Во-первых, нашу скрипку наверняка изготовил не Страдивари, а менее известный мастер. Стало быть, искать её будут не так тщательно. Во-вторых, мы давно уже живём в другом государстве. Вывозить скрипку никуда не надо, а значит, меньше шансов засыпаться. Сейчас наши толстосумы с жиру бесятся похлеще зарубежных. Представь себе: обнаружил богатый папаша у своего сына музыкальные задатки и интерес к скрипке. Но не может же его любимое чадо играть на чём попало! И он готов заплатить большие деньги, чтобы раздобыть не просто хороший инструмент, а очень хороший. Сынку-то никогда не стать музыкантом, и скрипка ему нужна больше для баловства, чем для дела, но это уже не имеет значения.

Комар пристально взглянул Виктору в глаза и сказал тихо, почти шёпотом:

– Уже есть покупатель, Витёк. И он торопит, очень торопит. А скрипки нет.

– Ну, я не знаю... – сказал Виктор неуверенно. – Попробую. Может, что-то и получится.

– Всё у тебя получится, Витя, – заверил Комар. – Я тут на днях поговорил о тебе с Хряком.

Он тоже уверен, что всё у тебя получится.

При упоминании о Хряке Виктор почувствовал озноб. Это была не пустая фраза. Комар угрожал. Значит, весь этот спектакль с картами они придумали давно. И разыграли его ловко, как по нотам. Теперь Виктор понимал, что рано или поздно подобное должно было случиться. В эту компанию он попал случайно. Вернее, это он так думал. Тонкий психолог Комар быстро оценил необычайную коммуникабельность парня и его умение нравиться людям. Дизель и Серый промышляли квартирными кражами. Лёха неоднократно намекал Виктору, что при его способностях он мог бы стать первоклассным наводчиком и жить припеваючи. Но Виктор постоянно уклонялся от этой темы, а Лёха не настаивал. Он по-прежнему дружелюбно относился к парню, часто приглашал его в свою компанию. И Виктора это устраивало: здесь всегда

имелись отменная выпивка, первоклассная закуска, роскошные девочки. О том, что за всё надо платить, он тогда не думал.

* * *

– Сегодня мои родители вернуться домой очень поздно, – сказала Оля.

– Ты хочешь пригласить меня к себе? – спросил Виктор.

– Я же обещала тебе сыграть на настоящем инструменте, – она заглянула Виктору в глаза. – Только поклянись, что никому не скажешь об этом.

Виктор поклялся, стараясь выглядеть серьёзным. Эх, дурёха! Как будто слова что-то значат. Они подошли к Ольгиному дому. Во дворе среди деревьев за доминошным столиком сидел Комар и наблюдал за ними. Увидев его, девушка занервничала.

– Витя, пойдём быстрее! – сказала она и торопливо вошла в подъезд.

– А что случилось? – спросил Виктор, следуя за ней.

– Это наш сосед Комаров. Страшный человек. Постарайся с ним не встречаться.

– Почему? Что он может нам сделать?

Они уже подошли к двери квартиры. Оля достала из сумочки ключ и стала отпирать дверь.

– Я не знаю, что он может нам сделать, – сказала она, отвечая на вопрос. – Слышала о нём много плохого. Всякий раз, когда вижу его, у меня возникает такое чувство, будто вот-вот должно случиться что-то ужасное.

От этих слов Виктору стало немного не по себе. Но он постарался бодрым голосом успокоить девушку и перевёл разговор на другую тему. Вскоре Оля забыла о страшном соседе. Она провела парня в гостиную, приготовила ему угощения, а сама ушла в соседнюю комнату, прикрыв за собой дверь. У Виктора бешено заколотилось сердце. Он даже вспотел от волнения. Пора было действовать, а он всё не мог решиться. Наконец он поднялся и осторожно, на цыпочках, подошёл к двери, тихонько приоткрыл её и заглянул в комнату. Девушка уже отпирала сейф. Откуда она достала ключ, Виктор не видел. Также осторожно он вернулся на своё место.

Вскоре появилась Оля. В руках она держала смычок и изящную, сверкающую тёмным лаком скрипку. Виктор поднялся навстречу девушке.

– Какая красавица! – сказал он, взглянув на инструмент. – И кто сотворил это чудо? Страдивари или Амати?

– Ну что ты! – засмеялась Ольга. – Нет, Витя, это Бергонци. Хотя он и не конкурент Страдивари, но мастер очень хороший. Сейчас ты в этом сам убедишься.

Она поднесла к струнам смычок. Её веки опустились, полуприкрыв глаза, а лицо приняло то выражение отрешённости от всего земного, которое на репетиции вызвало у Виктора чувство досады и раздражения. Но вот смычок заскользил по струнам, и комната вдруг наполнилась необычайно красивыми, сочными звуками. Виктор мог ожидать чего угодно, но не этого завораживающего, почти неземного звучания. Где-то он уже слышал эту мелодию, она звучала в каком-то фильме. Музыка была такой нежной и печальной, словно скрипка жаловалась на свою судьбу, и эта трогательная жалоба будоражила душу.

Но постепенно в ней стали происходить перемены. Музыка по-прежнему звучала жалобно, но теперь в ней уже явно слышался протест, нежелание покориться судьбе. И все эти перемены отражались на лице исполнительницы. Эмоции и переживания, навеваемые музыкой, делали девушку привлекательной, даже красивой. Темп исполнения нарастал, теперь мелодия звучала так печально и яростно, что у Виктора по коже поползли мурашки. Он вдруг почувствовал, что теряет ощущение реальности. Невидимая волна подхватила его, понесла в открытое море волшебных звуков. Ему казалось, что музыка творит с ним чудеса, превращая его в совершенно другого человека – доброго, чистого. Этот другой человек не хотел, не мог

допустить того, чтобы чудесная скрипка из любящих и талантливых рук перекочевала в липкие ручонки богатого бездаря.

Виктор вспомнил Комара и его дружков. Ну их всех к чёрту! Не пойдёт он у них на поводу! Они обманули его, обвели вокруг пальца. Значит, ничего он им не должен! Так думал Виктор, поддавшись влиянию этой необыкновенной музыки. Но вот темп исполнения начал спадать, словно скрипка устала, истратила в борьбе все свои силы, и теперь мелодия звучала ещё более нежно и печально, чем в начале, а потом и вовсе затихла. Оля опустила руку со скрипкой и со смущённой улыбкой смотрела на Виктора, ожидая его реакции. А он ещё какое-то время сидел неподвижно, прежде чем ему удалось сбросить с себя оцепенение.

– Это невероятно! – сказал он, подойдя к девушке.

– Значит, тебе понравилось?

– Ещё бы! Ты просто волшебница!

Оля нежно прижалась щекой к его плечу.

– Я так рада!

Виктор осторожно обнял девушку.

– Оленька, я где-то слышал эту мелодию, – сказал он. – Кто её сочинил?

Оля негромко рассмеялась.

– Как смешно ты спросил! Эту музыку написал Георгий Свиридов. Она звучала в фильме «Метель».

Они постояли молча несколько минут. Потом Виктор сказал:

– Ну что ж, мой маленький гений, прячь это сокровище и крепко запирай его своим «скрипичным» ключом, чтобы никто никогда не смог отнять его у тебя. Спасибо за музыку! Обещай, что ты ещё будешь играть для меня.

– Обещаю, Витя.

Он простился с девушкой и стал неторопливо спускаться по ступенькам лестничной клетки. В голове у него непрерывно звучала музыка, которую несколько минут назад Оля сыграла ему на скрипке, изготовленной когда-то скрипичным мастером Бергонци. А ведь ещё совсем недавно Виктор и не подозревал, что был такой мастер. Он вышел из подъезда и стал пересекать двор, всё ещё находясь под впечатлением только что услышанного концерта.

Чей-то пронзительный свист отвлек его от мыслей, вернул к реальности. Виктор оглянулся на свист и увидел Комара. Лёха стоял за деревьями. Жестом приказав Виктору следовать за ним, он направился вглубь двора. И Виктор пошёл за ним следом, не рискнув послушаться. В укромном закутке за трансформаторной будкой их дождался Хряк. Глядя на Виктора, словно удав на кролика, он поигрывал ножом: нажимал на кнопку – и острое лезвие стремительно выскакивало из рукоятки; затем Хряк складывал нож и вновь нажимал на кнопку. Виктор боязливо покосился на него. При виде этого чудовища ему всегда становилось не по себе.

– Ну что, Казанова, пора выдать конкретный результат, – сказал Комар. – Итак, я жду.

Виктор почувствовал, что весь его боевой настрой, вся его решимость спасти скрипку от этих людей сходят на нет в их присутствии. Страх холодком шевельнулся в груди.

– Есть конкретный результат! – сказал он поспешно.

– Какой? – Лёха впился в него колючим взглядом. – Не тяни волюнку.

– Я узнал фамилию мастера. Это Бергонци.

– Очень хорошо! А где девчонка прячет ключ?

– Этого я пока не знаю.

– Тогда о каком результате речь? – спросил Комар злым голосом.

– Лёха, но ведь часть задания я выполнил! – испуганно воскликнул Виктор. – Теперь я тебе должен только половину.

Комар вдруг сделал добродушное лицо и весело рассмеялся.

– Да ладно, Витёк! Считай, что ты мне ничего не должен.

– Как?! – у Виктора отлегло от сердца. – Я тебе ничего не должен?

– Ничего, – подтвердил Лёха. – Хряк выкупил у меня остаток твоего долга. Теперь с ним рассчитывать будешь.

Комар повернулся и пошёл. Хряк – следом за ним. Виктор почувствовал, как всё его тело покрылось испариной. Конечно, всё это полная чушь, никакой долг Хряк у Комара не выкупал, но от этого соображения не становилось легче. Ему сделали последнее предупреждение.

– Лёха! – закричал он. – Я узнаю, где она прячет ключ! В самое ближайшее время узнаю! Но они даже не повернули головы.

* * *

Последние дни Виктор провёл в страхе и тревоге. После недвусмысленной угрозы Комара он не мог чувствовать себя спокойно. За каждым углом мерещилась опасность. Надо было что-то делать, действовать, и он пытался что-то сделать, но у него пока ничего не выходило. За это время у него были с Ольгой две мимолётные – по причине её занятости – встречи. Стараясь выглядеть ненавязчивым, Виктор говорил ей о том, какое впечатление на него произвела её игра на старинной скрипке, и как ему хочется ещё послушать этот чудесный инструмент. Вновь чувствуя себя виноватой, Оля извинялась за то, что пока у них нет такой возможности. Виктор огорчённо вздыхал, но настаивать не решался.

Он словно раздвоился душой, совместив в себе два противоречивых человека, один из которых жадно хотел раздобыть проклятую скрипку, чтобы спасти свою шкуру, а другой категорически восставал против этого. Эта внутренняя борьба в сочетании с постоянным страхом за свою жизнь вконец измотала Виктора. Он обозлился на весь мир, в том числе и на себя самого. Но к себе, кроме злобы, он испытывал ещё и нестерпимую жалость, от которой хотелось заплакать.

И всё это время в унисон его настроению у него в ушах почти непрерывно звучала тихая и печальная музыка композитора Свиридова – та самая музыка, которая так взволновала, взбудоражила его чувства. Комар больше не торопил его и не угрожал. Во дворе своего дома за трансформаторной будкой он сделал Виктору последнее предупреждение и теперь словно в воду канул. И от этого на душе становилось ещё тревожнее. Виктор понимал, что если он не успеет вовремя разобраться со скрипкой, то Хряк разберётся с ним.

В конце недели ему позвонила Оля.

– Витенька, сегодня я весь вечер буду одна. Приходи.

С бьющимся от волнения сердцем Виктор торопливо направился навстречу грядущим событиям. Хозяйка была искренне рада его приходу. Как и в прошлый раз, она приготовила гостю угощения, но прежде, чем пойти за скрипкой, вдруг подошла к Виктору, мягко провела рукой по его волосам и сказала:

– С тобой что-то происходит. У тебя неприятности?

Он заставил себя улыбнуться.

– Нет, всё в порядке. Почему ты спросила?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Мне показалось, что тебя что-то тревожит. Смотрю на тебя – и на душе становится тревожно. А у меня душа, словно камертон – всё чувствует.

Он взял её руку, осторожно сжал в своих ладонях.

– Тебе показалось, малыш. У меня всё хорошо.

Оля опять погладила его по голове.

– Вот и прекрасно! – сказала она. – Угощайся. Сейчас я принесу скрипку.

Она пошла в соседнюю комнату. Виктор с грустью смотрел ей вслед. Нет, милая, не всё чувствует твой камертон. Иначе бы ты ни за что не пригласила меня сюда. Когда дверь

за девушкой закрылась, он заставил себя встряхнуться. К чёрту все эмоции! Надо действовать, иначе всему конец. Мягко ступая, словно кошка, он подкрался к двери и заглянул в комнату.

Оля вынимала ключ из тайника. Трудно сказать, удалось бы Дизелю или Серому обнаружить этот тайник, но он, Виктор, ни за что бы его не нашёл. Обычная с виду розетка откидывалась, словно дверца, открывая небольшое углубление в стене. Итак, теперь он знает, где хранится ключ, пора возвращаться на своё место, чтобы в последний раз услышать звучание этого прекрасного инструмента.

Но не успел Виктор прикрыть за собой дверь, как девушка вдруг повернула голову вбок и застыла на месте. Виктор проследил за её взглядом и увидел сбоку на стене большое зеркало, в котором отражалось испуганное лицо девушки. Их взгляды встретились. Виктор не сразу сообразил, что Ольгу испугало не столько его появление, сколько выражение его лица. Он только сейчас почувствовал, насколько напряжён и сосредоточен. Парень поспешил расслабиться и даже подмигнул девушке, но было поздно. Оля резко повернулась к нему, прижимая к груди зажатый в кулачке ключ.

– Кто ты? Что тебе нужно?

Он выставил перед собой ладони, стараясь успокоить девушку.

– Оленька, не волнуйся. Сейчас всё объясню.

Но она испуганно отшатнулась к стене.

– Ты пришёл за скрипкой?

Он не успел ответить. Хрупкая девчонка вдруг стремительно метнулась из комнаты, едва не сбив парня с ног, и побежала к выходу. Виктор бросился за ней. В прихожей он почти догнал её, но она ловко увернулась и забежала на кухню. Схватив большой кухонный нож, Ольга угрожающе выставила его перед собой.

– Не подходи!

Виктор остановился в двух шагах от неё, не зная, что ему делать. В голове всё перемешалось. Он понимал, что крепко влип в неприятности, и теперь пытался как-то исправить положение.

– Оля, ради Бога, выслушай! У меня очень серьёзная ситуация. Мне нужна эта скрипка. Понимаешь: нужна!

Нет, она ничего не хотела понимать. Она словно обезумела. Держа перед собой нож в дрожащей руке, Ольга кричала:

– Возьми всё, что хочешь, но только не скрипку. Я сама тебе всё отдам: деньги, вещи, украшения – свои и мамины. Но скрипку ты не получишь!

– Да не нужно мне ничего! – тоже закричал он. – Я не вор! Просто мне позарез нужна эта скрипка.

– Зачем?!

– Я проиграл её в карты. Меня попросту убьют, если я её не раздобуду. Отдай мне её!

– Кто тебя убьёт?

– Комар.

– Ах, вот оно что! – произнесла Оля с горечью в голосе. – Теперь мне всё ясно.

Она по-прежнему неподвижно стояла перед ним: в правой руке – нож, в левой – ключ от сейфа. Глядя на Виктора полными слёз глазами, Ольга отрицательно покачала головой.

– Нет, Витя, скрипку ты не получишь, – сказала она тихо. – Уходи.

– Почему?! – он опять повысил голос до крика. – Ведь она застрахована – я в этом уверен! Ты ничем не рискуешь. А для меня это вопрос жизни и смерти.

Виктор шагнул к девушке и протянул руку, чтобы взять у неё ключ от сейфа, но Ольга вдруг ткнула в него ножом. Едва успев увернуться, он отпрянул назад. Но она не успокоилась, вновь и вновь пытаясь ранить его. Он схватил разделочную доску и стал лихорадочно защищаться от этих яростных нападков.

В какой-то момент Ольге удалось достать Виктора. Когда острый кончик ножа проткнул ему левую руку чуть повыше локтя, Виктор наотмашь ударил девушку доской по голове. Оля упала на кухонный пол. Кисть её левой руки разжалась, и ключ – проклятый «скрипичный» ключ, из-за которого начались все эти беды – проскользнул по полу и исчез под холодильником. Но теперь Виктору было не до него. Словно оглушённый, он стоял посреди кухни и смотрел на свою жертву. С пальцев левой руки на пол капала кровь, но парень этого не замечал, как и не чувствовал боли. Нет, так не должно было случиться. Он этого не хотел! Он не собирался никого убивать! Он всего лишь хотел лёгкой и красивой жизни. Что же теперь делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.